

Лия АВЕТИСЯН

Про

ЛЮБОВЬ,
МЕНТОВ
И ВРАГОВ

Ереван 2016

Лия Артемовна Аветисян

Про любовь, ментов и врагов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39434323

Про любовь, ментов и врагов:

ISBN 978-9939-0-2751-7

Аннотация

Это яркий, смачный роман с живыми героями, которых ясно видишь, слышишь, любишь или ненавидишь. Он вызывает искренний смех и настоящие слезы сочувствия. Сложный и увлекательный детективный клубок, расплетая который вместе с армянскими сыщиками и не только, читатель многое узнает и сам. Книга написана в Армении и про армян и принадлежит перу известного поэта-переводчика и публициста Лии Аветисян.

Содержание

От автора	6
Часть 1	16
Двенадцать медалей на подушках	16
Менты не любят, когда их так называют	20
О преимуществах игр с породистыми	29
Лучше быть совсем живым, чем сильно уважаемым	33
О необходимости закусывания как условию продолжительного застолья	41
Зачем гражданам знание УПК и детской классики?	48
Где бреют снегурочек	58
Люди не понимают хороших щенячьих манер	64
О преимуществах американского диалекта над лорийским	68
Как опасно неправильно нарекать детей	75
Наши методы контроля за китайской рождаемостью	80
Обморок из-за Гитлера в рядах НКВД	87
Шесть листов, которыми вымощен путь из Английской палаты	95
Как Арам стал Арамисом, и даже больше	99
Как Анкехцпаратон вышла замуж во второй	103

раз	
Сосиски как охотничий трофей	110
Как допрашивают друзей детства	113
О роли телевидения в ментовских расследованиях	121
Пирожки для полковника	126
Как плохо не блюсти законы Шариата!	132
Запах армяка у деревенских армян	141
О вреде утреннего мытья полов	143
Обман как главное оружие ментов	152
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Лия Аветисян

Про любовь, ментов и врагов

*Светлой памяти моих прадедушек и прабабушек
посвящается*

© Аветисян Л., 2016

* * *

От автора

Про Армению и армян давно не писали романов. Не писали с любовью, без которой и не роман это вовсе, а бухгалтерия. Или кляуза. Наверное, секрет молчания наших писателей кроется в тексте странной, на мой взгляд, Конституции страны, где напрочь отсутствуют такие слова, как Нация, История, Будущее и, конечно, слово Любовь. А без нее какой ты армянин? И какая же это Конституция? Или это попросту долговая расписка ростовщичку: так мол, и так, жить буду впредь по твоим понятиям, которые выше моих законов, платить проценты недрами и молодежью, а в качестве залога – вот она, вся Армения? И какое будущее может быть у народа, у которого даже прошлого нет в паспорте страны? Без любви к своему очагу и своему народу, к той части страны «Ергирь», которая почему-то называется Республикой Армения, а не Армянской республикой – до тех пор в Будущем, когда она снова станет Арменией. А по факту – без киностудии «Арменфильм», на которой снимались «Цвет граната» и «Мужчины», а сейчас растет бурьян и даже убран с фасада наш Давид на своем волшебном иноходце Куркике.

У не зависимой от себя самой Армении вообще особый счет к мужчинам, которых истребляют ментально, физически и по-всякому. Были у нас памятники мужчинам и

только один – Матери Армении. А потом стали поступать, как в заявленных еще в «Али Бабе» «окнах Овертона»: крестики уже и на всех соседних домах, чтобы сбить с толку разбойников. Но в Армении и по всей Армении именно, думаю, разбойники понатыкали женских статуй «про-всё-хорошее» и даже уложили жирную дуру с сигаретой посреди роскошного Каскада. Таким вот хитрым способом припрятали и растворили мужские образы на улицах. И точно так же их растворяют в парламенте страны, где заседают пусть не жирные, и без сигарет, но с константой основной востребованной характеристики IQ, что присутствует на Каскаде. В общем я мужчинам сочувствую и готова за них побороться, потому что без них какие мы женщины? Вот и главные мои герои (нет, совсем не я) воспринимают мир как идеальную конструкцию, где во главе всего – мужчина (отец; муж; товарищ; брат; сын; внук). Конечно, любовь вспыхивает и вне семейных рамок. Но если кто-то мне скажет, что женщины не обладают энтузиазмом и отточенным за тысячелетия мастерством придумывать и мастерить эти рамки, то я тут же узнаю в нем инопланетянина. Словом, в своем романе я пытаюсь восстановить в правах мужчин, которые, понятно, работают классными ментами, врачами, спортивными тренерами, сельскими пастухами, университетскими профессорами, сапожниками, а уйдя на покой, играют в нарды в Пушкинском парке или гораздо дальше, держа в обозрении не только Армению, но и весь

мир.

В армянском языке целых сорок слов про любовь, синонимов этого главного человеческого переживания, которое направлено на детей вообще, родню и соседей в частности. На науку и родину, юмор и гордость, братство и заботу, чтение и письмо, семью и мечты. Всего таких словообразований от любви в армянском языке полтысячи, представляете? И все они мне дороги, потому что обязывают соответствовать словарному запасу – а значит, и сущности народа, от которого я родилась благодаря волшебным встречам – иначе не назовешь – моих прадедушек и прабабушек, дедушек и бабушек именно в годы очередных ужасающих попыток истребить армянство. Благодаря встрече моих папы и мамы именно в годы Великой Отечественной войны, когда папа уже был на фронте и увез туда мою маму из благополучного Тифлиса в 1942 году.

Наверное, армян убивали, чтобы уничтожить тот камертон Любви, которым они вековечно являлись в мире и остаются по сей день. Чтобы человечество заменило это многомерное понятие простым сексом и заткнулось наконец. Геноцид армян длиной в две тысячи лет – наша вековая боль, но и вековый источник оптимизма, закрепленный в народном фольклоре: «С нас мир начинался, нами и будет завершен». А ведь это накладывает обязательство быть ответственными за весь мир! При нашей-то нынешней малочисленности и территориальной крошечности.

И как ни крути, Армения опять – как тысячи лет назад – является преградой для всадников тьмы, что стремятся проникнуть в сердце Евразии. Апрельская вспышка тлеющей войны показала: да, мы на своем посту, и победа ценной гибели ста молоденьких стойков и увечий выживших героев Карабахского фронта – еще одно доказательство нашей вековой миссии. А без миссии нет народа – один пустой пиар и костюмированное представление. Без осознания миссии нет и человека – одно дурацкое потребление и даже снижающееся воспроизводство. Потому что зачем плодиться-то? Во имя чего? Чтобы мамы не кормили грудью, а гнобили пап по ночам – ведь с бутылочкой и папа – кормящая мама? Чтобы детеныши глотали канцерогенные молочные смеси, потом – пирожки с ГМО, консервы из антибиотиков, туфту по телевизору и затем – таблетки от всего этого в перерывах разговоров по гаджетах? И разговоров-то – Боже мой! – о чем? О том же корме для желудка и мозгов и новой сбруе для себя, любимого, и на всё на свете положившего?

Как человек, родившийся от армянского народа, я везунчик. Мне повезло первой из всей родни появиться на свет в Ереване именно у моих любящих родителей и строгой старшей сестры, повезло получить замечательное и бесплатное советское образование, очень похожее и на то, что сеяли мой прадедушка Агаси Варжапет в армянских селах Ахалкалака и Лори, и в селе Гандза – прапрадедушка Терь Суки-

ас родом из Эрзрума. И другой прадедушка, дьякон и звонарь Мкртыч, тоже из Эрзрума, но сиротой спасшийся в Карсе. И все их предшественники еще во времена Машицоца, а может, и раньше. Кто знает? Только дух моего народа, продолжающего открывать новые школы на родине в Карабахе и в далеком Лос-Анджелесе, в Запорожье, Волгограде и в Сибири, где, казалось бы, и не ступала нога армянина.

Мне повезло работать под началом умных и порядочных людей, которые были не только руководителями, но и воспитателями. Начальник Лаборатории научной организации труда и научно-технической информации Дон Егорович Ваградян и министр финансов, а затем – торговли, Степан Рубенович Сафарян, министр территориального управления и градостроения Леонид Самсонович Акопян – мои учителя ничуть не меньше, чем первая учительница Кнарик Ивановна Багдасарян и замечательная классная руководительница Наталья Герасимовна Луценко. Если бы в правительстве Армении сегодня появились такие интеллектуалы и наставники (замечу, абсолютно честные), то и не знаю, что бы случилось. Наверное, из-за кордона была бы дана команда немедленно снять их. А лучшие – убить. Типичнее – опорочить и убить, чтобы бездушина пошлая где-то там, наверху, а на карте – заметно левее, взгляделась в свой гаджет, ослабилась и сказала: «Вау!». Потому что их приход означал бы уход. Уход от жалкой роли банановой туристической провинции Запада, которую вот уже 25 лет нам уси-

ленно навязывают.

Конечно, судьба продолжает сталкивать меня с интереснейшими людьми разных профессий. Это доктор физико-математических наук и бывший профессор Стенфордского университета Завен Киракосян, спасение отца которого, осиротевшего во время резни в Харберде, я описала в романе. Это бывший начальник районной милиции, затем – зампреда Национальной службы безопасности, а теперь – общественный деятель Гурген Егиазарян, блестящий сыщик и рассказчик, у которого я выпытала несколько фактических, но удивительных историй. Это бывший высокопоставленный банковский служащий в Юго-Восточной Азии Зарэ Мсрлян, интернет-портала Keghart.com Жирайр Тутунджян, пересказавший мне реальную, но поразительно трогательную историю Ипекчяна. И скромная красивая Анжелла, что работала уборщицей в соседней парикмахерской и рассказала мне историю своей бабушки Ер моньи, которую я приписала бабушке Шварца в пору ее трагедии в Мараше. Это наш замечательный философ и мудрец Рубен Баренц, ставший свидетелем истории с героическим мальчиком в оккупированном фашистами Кисловодске. Наверное, у каждого романиста секрет кроется не столько в творческом воображении, сколько в интересном окружении и способности пытать его до последней реальной истории, выдумщиком которой является сам Господь Бог.

А бывало и наоборот: сапожник, описанный мной в ро-

мане 12 лет назад, в прошлом году чудом материализовался, перебравшись работать в будку на нашей улице. Волосы, правда, другого цвета.

Чудеса случаются, и чаще, чем нам кажется, и чудом является, конечно, то, что мои внуки Эдвард и Лусине знают свои семь колен даже в некоторых случаях в лицо. Такого счастья судьба давно не подкидывала армянам. Но самым большим чудом является то, что я сперва создала образ бабушки Шварца, а потом стала уподобляться ей во взаимоотношениях с внуками. Да, представьте себе, литература – великая сила, которая способна улучшить нас вне зависимости от возраста, даже если мы не только читатели, но и писатели. Но при условии чувства ответственности перед своим народом и всеми другими. Даже если человечество и не прочитает ни строчки из написанного мной, а имя мое ничегошеньки ему не скажет. Но я-то его люблю, и это очередной случай, когда безответная любовь возвышает, а не наоборот.

И наконец, это роман о замечательной школьной дружбе, хотя лучшие мои школьные товарищи и разъехались по чертовым бабушкам. И, конечно, о любви – ну а как без нее армянам, если ее адресаты все – от дворняжки в парке до давным-давно убитого фараона, от врача-патологоанатома до веселых братьев-близнецов, которые мечтают стать, как отец, классными ментами, чтобы был порядок у нас в стране и вновь воцарилась Любовь.

При всей моей везучести этот мой первый и, думаю, последний роман не назовешь баловнем судьбы. То питерский солидный издатель попенял мне, что история-то хороша, но слишком много в ней армян, а евреев не больше, чем турок, русских, испанцев, поляков, курдов и китайцев. Непорядок. То другой издатель из того же великого города выдвинул книгу на Всероссийский литературный конкурс «Национальный бестселлер», и она попала на читку в руки члена жюри – борцыни за права эсенин и пидерапных. Можете себе представить, что она понаписала в рецензии. Руки могли бы опуститься навсегда, и я не издала бы эту книгу никогда, если бы добрые люди, окружающие меня, в своем большинстве не запилили бы на предмет издания, а в меньшинстве – не помогли делами и деньгами. Идеальная пропорция, неправда ли: на одну гендеробязанную – и такая прорва хороших людей?

Однако если бы двенадцать лет назад, когда я писала роман, мне удалось подглядеть нынешнюю ленту новостей, я бы, наверное, получила инфаркт задолго до борьбы с гендерами. Потому что кровь, насилие и вселенский дурдом казались уже тогда непревзойденным рекордом. Но, перечитывая текст, я не стала его менять и актуализировать, а приглашаю читателей вновь окунуться в те, как оказывается, безмятежные времена, когда наш сосед – Ближний Восток – жил в относительном мире, Каддафи еще дружил с Саркози, а семья Асада – с Эрдоганами, о чем в романе, конечно,

но, нет ни строчки. Но ведь атмосфера – та! Всего-то двенадцать лет назад мобильники были внове и социальные сети еще не отвратили женщин от кухонь, а мужчин – от нардов. Удивительно! Что осталось неизменным – так это усилия турецкой разведки по созданию и поддержке агентурной сети и безмятежность обывателя, который не видит этого в упор. Они орудуют у нас под носом, ребята, и главная их опора – жадные и безнравственные идиоты наподобие тех, что выведены в романе. Но есть ведь и герои! Вокруг гибели одного из них и разворачивается вся детективная история.

Мне очень трудно пришлось с именами, это да. Потому что героев и персонажей много, есть среди них и уроды, и каждый раз рискуешь угодить в реального и хорошего человека. Так что, если где совпало – это действительно случайность, уж извините.

Да, есть в содержании и названии романа враги. Но, как ни крути, в огромном армянском языке всего восемь слов про ненависть, которые на деле означают гадливость, а не желание убить и уничтожить. Такой вот интересный и красноречивый язык, который тем не менее был мной отложен в сторону, а использован русский. Почему, спросите? Да потому что у нас на родине любить легче и проще, люди и без меня справятся. А вот на чужбине, где армян, говорящих по-русски, побольше, чем нас здесь, – это трудная работа, и не всегда результативная. Мой роман – попытка помочь им

войти в мир Любви, стать благодаря этому лучше и счастливее. С нее начинается название романа, ею и заканчивается текст. Но пусть она никогда и нигде не заканчивается.

Лиля Аветисян

Часть 1

Сплошные случайности

Двенадцать медалей на подушках

11 декабря 2004, за полдень

– Ну и дурак ты, экс-мачо. Бизнесмен экстрадированный. Ноль упакованный, – мысленно изощрялась Верка, не снимая с лица вежливую улыбку. Улыбка была изображена на овальном лице с иконы, натурщица которой перешагнула сорокалетний рубеж. Высокая шея привычно несла тяжелый узел мелкокурчавой роскоши, а довольно приличный бюст невинно растворялся в длинноватой для ее поколения фигуре под 180 сантиметров. Верка считала заинтересованное внимание к своей особе объективной оценкой гуманитарных достоинств и не реагировала на него. Зато на хамство отвечала мгновенным едким огнем. Но не на похоронах же.

Так что пока ей следовало взять себя в руки и не активировать внутренние ресурсы в ответ на чудовищный намек «да уж не так, как у милицейских наводчиков, Верка». Поклеп прозвучал из уст мерзопакостного Лёвы, которого она всего-то удостоила нейтральным «привет-как-дела». Нет, похороны не самое удачное место для припечатывания словом,

как степлером для подрамников. И какая она ему Верка? Так ее звали теперь только одноклассники и вообще друзья детства, и этот голубчик к ним ни с какой стороны не мог быть причислен. Ну да, бывший муж лучшей школьной подруги Любы. Ну да, некогда ведомая Веркой тихоня Люба вдруг, под занавес супружества, даже не советуясь с ней по телефону, ого-го как подставила своего благоверного. Точнее – заслуженно бросила Леву в лапы московских налоговиков. Понятно, что обанкротившийся с их легкой руки Лева всё еще пылал негодованием в адрес окружения бывшей супруги. И главным подозреваемым в коварном замысле подставы была, само собой, инициативная Верка. Но ведь набравшаяся в Москве бойцовских качеств Люба всего лишь известила ее о свершившемся сотрудничестве с органами!

– Дурак, – резюмировала она свой мысленный монолог, прощально сделала губки бантиком мерзавчику Лёве и ввинтилась со своей траурной корзиночкой в длинную очередь с роскошными букетами.

Хоронили Левиного приятеля и Веркиного дальнего родственника Арама – еще одного аннулированного секс-символа Еревана, Москвы, Лос-Анджелеса и других ареалов наибольшего благоприятствования армянскому менталитету. Хоронили не кого-нибудь, а невольного покорителя женских сердец многих народов. С присущим ему выражением легкой задумчивости и в полном соответствии со спортивным прозвищем Арамис величественно лежал в гробу,

и сходство труппы с одушевленным оригиналом вызывало искренние реки слез у всех любимых женщин знаменитости.

Верка была не любимая, а сильно уважаемая женщина. Да и вообще – какая она ему женщина? Она – его гуру в художественном творчестве.

– А как будет «гуру» в женском роде? – задумалась Верка. – Гура, что ли? Ну и дура. У индийцев женщины на такое не могут претендовать. А у армян тем более. Так просто, учитель рисования и исповедник. Но в женском роде.

Верка огляделась. Успевшие и не подсуетившиеся отметить в статусе формальных жен Арама фактические вдовы сидели в разных концах зала Союза художников Армении. Да уж, ассортимент по росту, масти и прикиду был весьма обширен. Правда, не было мулаток и китаянок – может, просто потому, что не дожил. Зато была объединяющая всех дам особенность: фигурки у них были – как после фотошопа.

Народу было – зашибись. Большинство периодически каменело в позе Мыслителя Двадцать Первого Века: расставив ноги, вперив глаз в пространство и прижав продвинутый мобильник к левому уху. Правой рукой они пожимали лапы и лопаточки всё подходивших. Здесь были и одряхлевшие прежние вершители судеб, и нынешняя властноглазая номенклатура, и здоровяки с золотыми веригами пониже складок на загривках, и художественно-артистический бомонд, и суровые ополченцы тлеющей войны, в итогах которой еще не проставлена точка. Юные солдатики стояли в почетном ка-

рауле, а на двенадцати алых подушечках поблескивали чемпионские медали знаменитого олимпийца. Таков был Арамис: даже застигнутый смертью врасплох, он уходил торжественно и красиво.

Менты не любят, когда их так называют

12 декабря, 2004, полдень

Арамиса убили как-то неубедительно. Просто аккуратно чпокнули чем-то не особенно тяжелым по мозжечку под темной аркой, и он тихо остыл от кровоизлияния в мозг в двух шагах от собственного дома. Там же осталась валяться и трехкилограммовая гантеля с отштампованными на ней «90 коп.». «Ролекс» при этом не взяли и даже не тронули бумажник. Так что бедняге Шварцу всю зиму предстояло шершеляфамить с расследованием убийства.

«Дело №УР/728, Арам Лусинян» – накарябал он на папке. Потом подумал и добавил в скобках: «(Арамис)». После недолгих раздумий приписал: «Дон Жуан», сделал еще одну правку, папку бросил в урну, а на новой вывел: «Арам Лусинян (Арамис Дон Жуан)». Вот теперь было не совсем правильно с точки зрения орфографии, зато абсолютно точно – для характеристики сильно потерпевшего!

Арамиса он знал еще задирой-малышом и откровенно недолюбливал. Помимо редкого спортивного таланта и способности быть мухоловкой для женщин было у Арамиса еще одно несомненное дарование: он умел затевать драки сполборота. И больше всего он старался раззадорить самого Шварца. Каждый раз, когда Арамис сиял ему издали сво-

ей знаменитой улыбкой и, распахнув руки, провозглашал: «О, Майн Мент!», Шварц хотел переломить его, как спичку, несмотря на все олимпийские звания и награды задиры.

Бывалый сыщик и начальник уголовного отделения Центрального райотдела ереванской полиции, Шварц заработал кличку за силищу и невозмутимость Терминатора. Но сходство на этом заканчивалось. Жесткая щетка пегих усов топорщилась, скрывая часть выползавшего из-под галстука шрама. Нос горбатый для недоброжелателей и орлиный – для друзей. А взгляд! Взгляд его серо-зеленых глаз был невинен и кроток, как у флейтиста в симфоническом оркестре, и это многих обманывало. Многих, но не Арамиса, который вертелся рядом с их школьной компанией с самого детства, а повзрослев, стал будто специально лезть на рожон.

Шварц не любил шутки по поводу своей профессии и, как все менты, ненавидел, когда его называли ментом. Он предпочитал угрюмо сторониться этого взрослого дитяти, так как фанфарон Арамис учился с ним в одной школе и даже был родственником сразу двух его близких друзей. А это – святое. И вот нате вам: кого-то он все-таки достал. И именно Шварцу предстоит канителиться с его беспорядочным и необъятным окружением.

Курить надоело, от однообразия газет воротило, а сервер завис с самого утра. Да и чего было ему не зависать, если от беспорядочных Шварцовых тыков мог бы зависнуть не только этотдохлый пентик, но и суперкомпьютер в Пентагоне.

Умная печаталка с экраном все еще была для него своевольным и капризным существом, способным терять файлы, забывать архивировать информацию, вместо помощи подсказывать англоязычную белиберду, с которой не справишься без словаря, и вообще больше мешала, чем способствовала работе. Она так и не заслужила доверия Шварца, но постоянно искушала самостоятельно освоить эти картинки, одна из которых изображала старенький советский радиоприемник, но почему-то означала «память», а другая напоминала веселый хоровод, но имела в виду «диаграммы». Словом, вместо помощника и информатора, компьютер был основным и постоянным правонарушителем.

Начальник райотдела, шестидесятилетний полковник Владимир Карапетян, которого за глаза все называли Дядей Вовой, относился к компьютерной технике с таким мистическим напрягом, что на его фоне Шварц смотрелся продвинутым технократом. Освоение полицией Армении высоких технологий было еще впереди. «Всему свое время, и это придет», – оправдал Шварц шефа и заодно себя.

– Эх, Дядя Вова, Дядя Вова, – переключился мысленно Шварц на шефа, который в последнее время сильно хворал, мотался по дорогим клиникам и именитым врачам. От них он получал обнадеживающие заверения, что пока еще он не их контингент. Хотя, возможно, здорово влип, но во что – неизвестно. При этом они столбили золотonosный участок, как заправские старатели, по-дружески советуя обязательно

обратиться к ним в случае проявления таких-то признаков нездоровья или просто через месяц. И понятно, что не боявшийся лезть под пули бандитов, но столкнувшийся с болезнью Дядя Вова фантазировал себе именно эти недомогания и вновь возвращался к модным докторам.

Вот и всего за день до убийства Лусиняна Шварц с сотрудниками закатились провести Дядю Вову сразу после работы, прихватив в палату водку, баночки с колой и полдюжины порций любовно спеленутого лавашом шашлыка. Пикник в больнице фактически являлся и прощальным банкетом уезжавшего в тот же день заместителя Дяди Вовы по угрозыску на трехмесячные курсы повышения квалификации. Как на беду, в сверкающей палате ошивалась симпатичная врачиха, которую Дядя Вова пассивно, для проформы, клеил несмотря на нелюбовь к шашням. А интеллигентная докторша тактично подыгрывала больному, дабы не провоцировать у него упаднические настроения.

Мало того, что лирическая мизансцена была прервана в самом зачатке, да еще амбре от шашлыка было таким ядреным и всепроникающим, что утонченная мадам возмутилась поползновению на ее диетические предписания. И только поблескивавшие звездочки погонов на плечах ментов помешали их экстрадиции из больницы. Но, будучи переговорщиком будь здоров, Шварц обязался ни под каким предлогом не предлагать Дяде Вова жареную свинину и аккуратно вытеснил докторшу из палаты. Та напоследок сощурила на

него глазищи, вложила руки в карманы своего неправдоподобно белого халата и продефилировала вон из палаты под рентгеновским облучением ментовских взглядов.

В результате рассеявшиеся на диване ребята с пещерным энтузиазмом вгрызались в мясо на ребрышках, дружно пили сперва за здоровье шефа, потом – за отъезд его заместителя, потом – за исполнение Шварцем обязанностей обоих выбывших и т. д. Что было потом? Потом не съевший ни кусочка и не выпивавший ни грамма водки, но прихлебывавший колу Дядя Вова пережил-таки тяжелый приступ разрушительной болезни, имеющей созидательное название «панкреатит».

Слаженная работа милицейской команды – она и в больнице слаженная. Пока один бегал за врачом, другие упаковали и вынесли к чертовой бабушке объедки интерактивно сподличавшей свинины, баночки оставшейся вне подозрений колы и открыли окно навстречу декабрьскому свежему воздуху. Так что прибежавшая со всеми своими врачебными прибабасами докторша просто молча испепелила Шварца взглядом. Следом присеменила жена шефа, поохала, поахала, понаглаживала пухлыми рученьками его лапищи, центробежная сила разогнала инъекцию из задницы Дяди Вовы по всему его могучему телу, боль унялась, сонные веки сомкнулись – и порядок был восстановлен. А расстроенные Шварц с командой вернулись на работу и занялись запущенной писаниной, костеря подследственных, свидетелей, потерпевших, низкую зарплату, болезнь шефа и глаза-

стую докторшу. Шварц вернулся домой поздно, а под утро был поднят звонком об убийстве Лусиняна.

Надо было чем-то развлечь себя до того, как основательно засядешь за эту чертовщину со многими миссис иксами. И с игреками мистеров, один из которых, возможно, проявил излишнее гвардейское рвение в отношениях с мушкетером. Голодный и злой, Шварц, как всегда в подобных случаях, уставился в открытое окно с незажженной сигаретой под острым левым резцом.

В детстве его регулярно лупили по левой ладошке, пока не отбили охоту выводить каракули именно ею. В общем-то ласковая, но зомбированная советской педагогикой мама не могла тогда предполагать, что переученный ею левша будет всю жизнь назло домашнему Песталоцци играть в нарды левой рукой и курить, держа сигареты в левом углу рта. И временами ходить налево. Хотя армянину вряд ли нужно для этого быть обязательно левшой. А тем более переученным.

Видец из окна был не самый живописный. На переполненном мусорном баке революционно-красного цвета крупными белыми буквами было проставлено «Центр». С него, как с первомайской трибуны, величественно и придиричиво оглядывал окрестности здоровенный рыжий кот. Он не торопился прыгивать, чтобы поворошить прислоненные к баку пакеты с мусором, так как знал, зараза, назубок режим работы буфета Центрального ОВД: к концу дня должно было перепасть что-то действительно вкусненькое. Но конкурен-

тов на всякий случай не подпускал. Те жались под стенками двора и проверочно мяучили с просительными интонациями, за что получали в мохнатый бок спешившим мимо милицейским ботинком. Так что скептики с вытянутыми хвостами передислоцировались в соседний парк: уж там народ был посередобольней, чем в ментовке.

До странного теплая выдалась зима в Ереване. В самом дебюте началась оттепель, кошки заорали с мартовским энтузиазмом, и по городу поползли слухи о грядущем землетрясении. Случившаяся в 1988-м тектоническая катастрофа действительно совпала с таким же непривычно теплым декабрем.

– Вот точно такая же погода и была. Я, помню, в одном костюме ходил, – делился воспоминаниями старичок на скамейке в парке.

– Молодой был, кровь, небось, кипела, вот и ходил налегке, – подначивали сидящие рядом друзья в одинаковых зубных протезах.

– Эх, сколько городов у нас порушили землетрясения, – сокрушался другой и загибал пальцы: – Вагаршапат, Двин, Ани...

Да и вчера на похоронах если не вздыхали об Араме Лусиняне, то всерьез обсуждали сейсмологические тонкости.

Но теплая зима несла и безусловную выгоду: можно было продолжать ездить на лысых покрышках и экономить на обогреве квартиры. Проблему теплоснабжения жители Ар-

мении решали индивидуально со дня долгожданной независимости, и центральное отопление давно перешло в разряд ностальгических воспоминаний о тотальном советском порядке.

Стоп. Вот оно! Отопление в квартире – вот где крылась еще одна причина утреннего недовольства Шварца. Надо же ему было поддаться на провокацию и сходить в гости к свояку в его свежотремонтированную квартиру! Стеклопакеты с антикомарными сетками, индивидуальный котел газового отопления и прочая хренотень евроремонта с тех пор стали постоянной темой вздохов и намеков его прежде не особенно притязательной жены Марго. Амбиции проявились в один день, и повернуть их вспять было уже так же невозможно, как уговорить девятый вал вернуться восвояси. Особо резко одергивать Маргаритку тоже не стоило, так как это могло развеять в ее глазах имидж всемогущего мужа, офицера-криминалиста, которому стоит только захотеть, и они всей семьей пройдут к респектабельному достатку аки посуху. Ну да ладно, есть у него планчик, как и супругу ублажить, и не особенно пасть в собственных глазах. Надо будет на свежую голову обмозговать.

Словом, Армен Шаваршян (а именно так звали Шварца) действительно был оптимистом и предпочитал, несмотря на опыт, позитивно смотреть на жизнь. Но только не на подозреваемых.

Допрашивать ляфамов было делом муторным. Даже са-

мые приличные курили, грубили во время допросов, смотрели с укором и презрением, нещадно врали и кокетничали, как старшеклассницы. При этом на них нельзя было прикрикнуть или отвесить им отрезвляющий подзатыльник. Потому что тут же начинались театральные слезы и истерики, а вслед за ними, как черти из табакерки, вылезали срочно выявленные семьей дальние, но высокородные зятья, кумовья и прочие покровители. Вместе с тем серьезным наваром от работы с женским контингентом была возможность развести их на чувство справедливости, воздаяния по добрым делам и грехам и прочую тонкую материю, в результате чего дамы всего предъявленного диапазона, включая убежденных атеисток, становились на путь искреннего сотрудничества с органами. Но это было ноу-хау Шварца, которым он прославился не только у себя в райотделе.

О преимуществах игр с породистыми

2003 г., лето

Софи та еще была сучка: беленькая, пышненькая, она готова была ластиться к каждому встречному-поперечному и частенько получала ответную ласку. Опущенные густыми ресничками миндалевидные глаза под белоснежным выпуклым лбом так и призывали: ну подойди, ну посмотри, какая я нежная и ласковая. И многие действительно подходили. Конечно, если бы не прошлогодняя авария, успех был бы гораздо больше. Но огромная черная машина перечеркнула навсегда ее надежду найти себе кого-то постоянного. Все-таки, как бы люди возвышенно ни трепались, они не любят инвалидов. А тем более – хромым собак.

Мать Софи хоть и была бесхозной дворняжкой, имела довольно элегантный окрас: белая-белая грудка и белые же носочки красиво контрастировали с ее иссиня-черной шерстью. Звали ее Чало, и по утрам она частенько играла в парке с настоящим барчуком, холеным далматинцем Дэном, которого хозяин приводил туда для совместных пробежек. Добродушная Чало была любимицей старичков на скамеечках и лучшей подружкой Дэна.

Дэн был, конечно, красавцем. Круглые темно-коричневые пятнышки подчеркивали белоснежность его статной фигуры и породистость физиономии, и Чало гордилась своей друж-

бой с ним. Почти каждое утро они с хозяином приносили Чало хрустящие мясные шарики, и Дэн грозно оглядывался на окрестных дворняг, мечтавших присоседиться к ее аппетитному завтраку. И даже порывивал на самых отчаянных, возвышаясь над Чало, пока та аккуратно подбирала с земли угощение. Но однажды он не дал ей позавтракать, а принялся прыгать вокруг нее, ластиться и нежно лизать под ее косматым хвостиком, вызывая головокружение и истому. Словом, пока обегавший парк хозяин хватился, было поздно: Дэн и Чало срослись в идеальную скульптуру в центре парка, и разделить их уже не смогла бы никакая человеческая сила.

Софи и два ее брата родились в конце апреля в темном подвале по соседству с парком, и Чало бережно скрывала их от чужих глаз, вскармливала густым молоком, выкусывала из шерстки настырных блох и тщательно вылизывала, чтобы от малышей пахло настоящими взрослыми собаками, а не беспомощной добычей возможных агрессоров.

Когда острые зубки детей достаточно окрепли, Чало стала приносить им еду прямо в пластиковых пакетах, скапливавшихся у мусорных баков соседнего двора. Чало ужасно исхудала, вскармливая малышей и стараясь поменьше отлучаться в поисках пищи. Но все равно, разорвав зубами пакет, сперва опорожняла его перед детьми, терпеливо ждала, пока они разберутся со съедобными податливыми кусками, отталкивала их от опасных осколков и всего вредоносного. Лишь потом она принималась глотать острые обеденные ко-

сти и жевать черствые куски лежалого хлеба.

Мальчики были черненькими, как Чало, мохнатыми и похожими на мягкие игрушки, за что люди и любят щенков дворняг. Они родились маленькими, безысходно попискивали в ожидании возвращения матери и радостно ползли на родной запах ее теплого живота. А вот девочка удалась в отца: крупная, белоснежная, с еще только намеченными в подшерстке черными пятнышками, крутым лобиком и большими бархатными глазками. «Моя принцесса», – думала Чало о дочке и не особенно сердилась на ее шалости.

Софи первой из помлта стала осваивать закоулки подвала. Там, где в дальнем углу с трубы капала конденсированная вода, водились страшные звери. Они были черными и в темноте подвала почти невидимыми, но грозно шелестели при движении по каменным плиткам пола. Заметив приближение Софи, они застывали на месте и изучали ее, поводя длинными усами. Точно такие же вылезали иногда из приносимых мамой мусорных пакетов. Та отбрасывала их носом подальше и устрашающе лаяла, чтоб убирались подальше и не пугали ее малышей.

Зверь поменьше жил в другом углу и портил его тонкими ниточками, которые прилипали к носу Софи и вызывали чихи до одури. Снять ниточки с носа лапками было сложно, и приходилось долго тереться им об углы сложенных штабелем жестких матов, на которых они с братьями и родились. А еще в углу подвала были свалены игрушки Софи, которые

интересно было трепать, упершись в них передними лапами, и таскать через подвал вылезавшие из них ключья. Еще были игрушки, которые можно было звонко катать по полу, радуясь возможному испугу притаившихся в углах Усатых Зверей и Зверя-Ниточника. В подвале было много интересного: мягкого и твердого, приятного и опасного, врытого в пол и катящегося, если тронуть лапой. Там прошли первые сорок дней ее жизни, а на сорок первый Чало вывела детей на первую экскурсию в парк.

Лучше быть совсем живым, чем сильно уважаемым

12 декабря 2004 г., вечер

– Ну-ка, ну-ка, что у нас там нарисовалось, – наставил на нос крошечные очочки посвежевший после отлежки Дядя Вова, чтобы просмотреть листы донесений под обязательный аккомпанемент доклада Шварца.

– Этот Арам – уважаемый в городе парень...

– Да знаю, знаю, – Дядя Вова с отвращением покосился на телефонные аппараты, – от лучших друзей до высокого начальства никого не осталось, кто бы мне мозги не полоскал по этому поводу за последние сутки. В больницу даже звонили: не лечение, а сплошной облом...

– Даа, проект с докторшей небось ухнулся, – подумал Шварц и бодро начал:

– В шесть утра в четверг дворничиха нашла его уже зачоченевшим под стеной арочного проема. Адрес – проспект Маршала Баграмяна, 23. Два здания-близнеца с красивыми пожарными башенками знаете? Те «сталинки», что своими северным и южным корпусами сливаются в общий восточный корпус?

– Это где покойный Вахтанг Ашотович жил?

– Ну да.

– Так бы и сказал. А то восточный корпус, южный корпус

– прямо не Ереван, а Нью-Йорк.

– А что, еще немного нам штатное расписание подсократят, и сможем тягаться с Нью-Йорком в плане преступности, – намекнул Шварц на нехватку кадров.

– И не говори. – пригорюнился Дядя Вова. – Совсем они там с ума сошли. Давай дальше.

– Ну вот. Эти здания смотрят на проспект Баграмяна, один примыкающий корпус – на улицу Прошяна, – и Шварц стал чертить на бумаге план улицы:

– Вот коробка двора, вот фасад. На первых этажах почта, кондитерская, дорогая парикмахерская, частная аптека, магазин детской одежды. И сразу за углом – короткая улочка. Даже имени не имеет. А упирается в Музыкальный театр. Что раньше кинотеатром повторных фильмов был. Сбоку – Пушкинский парк. И можно сказать, что это самая безлюдная дорога Еревана, потому что, хоть и центр, а ходить по ней фактически некуда. Только по субботам-воскресеньям на спектакли театра. И уличного освещения на ней вообще не предусмотрено, как в Зимбабве. Вот на нее-то и выходит тот самый арочный проем в стене. Арка не освещается, для машин глухая: на входе врыт швеллер. В парке ночью тоже темно – глаз коли. Идеальное место для убийства, получается.

Такое длинное выступление было явным рекордом для молчуна Шварца, и при других обстоятельствах Дядя Вова не преминул бы поздравить его с проклюнувшимся оратор-

ским талантом. Но момент был не тот: расследование убийства Лусиняна контролировалось на всех уровнях, и надо было спешить.

– Слушай, это ж сдохнуть можно! – выпустил раздражение Дядя Вова, бахнув кулаком по столу. – Это же жилое здание МВД! Его строили, правда, еще в пятидесятых, но ведь до сих пор там живут бывшие и нынешние сотрудники органов, их семьи. А у них под носом – идеальное место для преступлений в центре города! Не мальчики, небось, знают ведь, в каких точках на власть нажимать, чтобы адекватно реагировала на просьбы о благоустройстве...

– Эти точки сейчас эрогенными называются, товарищ полковник.

– Ха-а-ха-ха-а, – залился Дядя Вова своим невообразимо скрипучим смехом, – залился Дядя Вова своим невообразимо скрипучим смехом, – только у нашей городской власти их сейчас все меньше становится. Стареет, что ли? Мой отец знаешь, что говорит? Из всех мужских привычек, говорит, у меня только бритье и осталось! Прибедняется, конечно. – Дядя Вова поспешил реабилитировать мужские способности отца.

– Ладно, давай, рассказывай дальше.

– Ну вот, нашла труп Лусиняна дворничиха, а в потемках не разобралась, что к чему. Думала, пьяный бомж. Над ним еще собака сидела и выла. Дворничиха испугалась подходить и пошла будить соседей с первого этажа. От них и позвонила в отделение. Мой информатор, что живет в соседнем корпу-

се, очевидцев среди других соседей не нашел. Лусиняна знал по улице – уважаемый, говорит, был человек...

– Да знаю, знаю, – скривился, как от плохой водки, Дядя Вова, – кто-то все-таки не так уж сильно его уважал в этом городе, раз бухнул по голове гантелей, а дорогие часы погнушался взять! Уважаемый человек... Лучше бы ему было быть не таким сильно уважаемым, но совсем живым. Ладно, давай, продолжай...

– Уже получен результат анализов из лаборатории, и они мне, товарищ полковник, сильно понравились: пятна крови-то там от двух разных групп – первой и третьей! У Лусиняна кровь третьей группы, так что пятно первой группы – след второго фигуранта или самого убийцы. А что еще более радует – резус-фактор: он у найденного пятна первой группы отрицательный. Но следов борьбы ни на теле потерпевшего, ни на его одежде не обнаружено.

– С больницами связался?

– Скажу – нет, поверите?

– Что там? – Дядя Вова прикинулся не заметившим иронии подчиненного тупоголовым начальником.

– Связался, но результатов пока нет: никто со стреляными, резаными или рваными ранами не обращался. Точнее, обращались, но по бытовухе или с железобетонными обоснованиями травматизма. Толстая тетка, например, порезалась собственным унитазом: не выдержал нагрузки.

– Мать честная! Это сколько ж она весила?

– Дядя Вова весело вперился в Шварца поверх очочков.

– Сколько весила – не знаю, но что дежурные хирурги ей весь зад вдоль и поперек, заодно с окрестностями, два часа зашивали и при этом гоготали, как умалишенные, знаю. Чуть лишние отверстия, говорят, не зашили.

– Да-а-а, обрадовали бы мужа. Ну что им, хирургам, стоило? Они на своем веку столько медсестер перепортили, что могли бы в свое оправдание хоть одну девственницу сотворить. Это не твой друг Тоникян ее зашивал? – продолжал веселиться Дядя Вова.

– Да нет, Тигран уже частной клиникой заведует, – улыбнулся Шварц.

– Ага, а то бы он наверняка к жопе уши пришил или чего похлеще. Он у тебя тот еще фокусник. Хотя тамада классный. Виртуоз, а не тамада! Как он на твоём дне рождения красиво провел застолье, а?

– Ну, так врачи – разве их работу сравнишь с нашей? Это мы день и ночь гоняемся, как охотничьи псы, за всякой тварью. А у них на приеме совсем другой контингент и совсем другое настроение от работы: пациентки приходят чистенькие, нарядные, в рот смотрят, каждое слово ловят...

– Да и врачихи с медсестрами – тоже ничего, – хохотнул Дядя Вова, припомнив недавний опыт. – У него теперь под началом целый батальон небось?

– Нет, Тигран никогда не злоупотреблял служебным положением, – вступился за друга Шварц. – Любят его женщи-

ны, и все тут. Всегда так было.

И здесь Шварц мог бы в подтверждение рассказать шефу сотню историй о фантастических успехах доктора Тоникяна в женских рядах. Но воздержался, припомнив лишь одну. Ту, как попав по распределению в отдаленный район, Тоникян в первое же ночное дежурство новенькой симпатичной медсестры уволок ее в койку:

– ... вот старуха-санитарка и застучала их утром. Он старушке объяснил, что, дескать, из министерства пришла секретная инструкция. А в ней написано, что каждая новая медсестра первое свое ночное дежурство обязательно должна провести в постели с доктором – для лучшего профессионального контакта. И министерская печать, говорит, проставлена. Санитарка застыла в шоке, плюнула на только что отмытый пол, спохватившись, повспоминала Иисуса, Марию, ближайших апостолов и, ворча под нос о падении нравов, пошла за шваброй. Но инструкцию крепко запомнила. Так когда через несколько месяцев пришел черед ночного дежурства другой новенькой медсестры, то санитарка, ворча в адрес аморальной инструкции, стала стелить сестричке на докторском диване. Та – в крик, мужа вызвала из дому, а муж – инструктор райкома. Тигран по-быстрому и оформил отпуск по семейным обстоятельствам. А семейным обстоятельством у него был отец – замминистра здравоохранения. Он же оперативно и перевел Тиграна в новую больницу, в Ереван.

– Ха-а-ха-ха-а, – заскрипел Дядя Вова, – Я же говорю – фокусник он у тебя, а не врач. – и гладко перешел к теме:

– Ну ты за травмами проследи.

– Обязательно.

– Давай дальше.

– Накануне вечером Лусинян зашел, как обычно, к друзьям, на Демирчяна тридцать шесть. У них там во дворе парковка, так что двор хорошо освещен и просматривается из жилого дома напротив. А там, знаете, как раз живет мой заслуженный информатор. Говорит, соседка с четвертого этажа этого же здания углядела кого-то, похожего на Лусиняна, выходявшего из подъезда сразу после полуночных новостей, в ноль тридцать. Он там часто бывал, а он парень красивый, так что она запомнила. У нее окно кухни во двор выходит, она как раз тесто в плиту поставила и на часы посмотрела.

– Старая? Молодая? А что ее ночью приспичило печь? – вскинулся полковник.

– На следующий день было рождение у мужа. Хороший мастеровой, репатриант из Ливана. Ему исполнилось восемьдесят девять, ей тоже что-то около восьмидесяти. Шестьдесят лет вместе. Так что вполне молодая, – сострил Шварц.

– Дай Бог здоровья, – восхитился Дядя Вова. – А что ты думаешь, жил как человек, не гонялся за каждой юбкой, сохранил семью – вот и дожил до патриаршего возраста. А то заладил: Уважаемый в городе парень, уважаемый... Где те-

перь твой уважаемый в городе молодой Донжуан? В городском пантеоне! А мог бы кушать свежие пироги, сохрани он хоть одну из этих своих разномастных жен...

Крепость семейных уз была фундаментальным идеалом Дяди Вовы, проповедовавшего его среди молодых сотрудников с рвением, набиравшим обороты по мере старения патриарха районного порядка.

– Эх, тянем мы, запаздываем! Дело – если его не раскрыть сразу, по горячим следам, – превратится во вчерашнюю жевательную резинку и потеряет свой мятный вкус...

Шварц знал это не хуже Дяди Вовы. За райотделом числилось ого-го сколько нераскрытых дел, и, если след не прощупывался в течение первых дней, можно было считать величайшим везением выявление преступника в дальнейшем. Присущая Шварцу цепкость и скрупулезное отношение к мелочам помогали ему сразу взять след, что бывало не раз. Но эта же дотошность могла бы довести его бедную жену до состояния настоящего невроза, если бы не объединяющее их хорошее чувство юмора. Дома нераскрытых преступлений не бывало – были падкие на Маргариткины кулинарные художества жизнерадостные увальни-близнецы, чье воспитание на примере отца Марго подняла до уровня вероучения.

О необходимости закусывания как условия продолжительного застолья

1990 г., зима

Когда у Шварца родился не один сын, а сразу два, криминал мог распоясаться на сутки. Но воздержался, хотя Шварц с ребятами из райотдела праздновали этот дууплет именно так долго. С утра узнав Аветис, то есть благую весть, они оставили в отделе одних дежурных и машинисток и закатались в Гарни. Стыдно признаться, но античный храм в 30 км от Еревана интересовал их в последнюю очередь, и даже вовсе не интересовал. Зато спрятавшийся в заснеженных горах ресторанчик славился отменным хашем, и вдали от бдительного ока начальства там можно было оттянуться по полной программе. Время было голодное, дефицитное, еще формально советское, но Армения уже была в блокаде двух соседних стран. А третьей была самораспадающаяся микроимперия, так что блокированной оказалась и третья из четырех фактических границ. Словом, нормально поесть в Ереване тогда было абсолютно исключено.

Сканеров для наблюдения за внутриутробной жизнью младенцев тогда здесь видом не видывали, пол вычисляли по внешности и повадкам будущих мам на основе народных, но научно-заумных формул. Так что рождение твикса мальчишек было действительно потрясающим сюрпризом, и не

отметить его с должным размахом было бы реальным жлобством. И Шварц спланировал роскошную вылазку в Гарни, которая поначалу весьма удалась.

Прилежно начав борьбу с запасами водки заведения под закусон из огнедышащих стручков маринованного перца и одуряющее запахом чеснока варево из коровьих ног, ребята легко одолели первую вереницу тостов. Конечно, они с потрясающей художественностью произносились во славу народившихся наследников, молодчаги-отца, героической мамы, близких и далеких предков и далее – в глубь веков и вширь народонаселения. Словом, компания успела принять на грудь более десятка стопок водки на брата, а официантка – сменить после хаша тарелки, когда в зал вошла чешская делегация. И как раз в эту минуту тамада доверил энный тост под двузначным порядковым номером лучшему другу Шварца, Тиграну Тоникяну – круглоглазому, как младенец, толстячку, не в первый раз с удовольствием присоединившемуся к компании ментов и покинувшему по такому случаю стены родной клиники. Тоникян терпеть не мог хаш как источник холестерина, но обожал ритуал связанного с ним застолья.

– Армен джан, брат джан, – прочувствованно начал непривычно бледный Тигран.

И мерцающее голубыми и розовыми сполохами сознание Шварца что-то невнятно ему подсказало.

– Армен джан, – продолжил Тоникян, – сегодня будет...

Но ознакомить участников застолья с прогнозом на текущий день Тоникяну не удалось. Вместо афористичного и наполненного житейской мудростью тоста заслуженного участника дружеских попоек изо рта Тоникяна ударила тугая струя блевотины, залившей нарядный стол в радиусе метра. Нештатную ситуацию оперативно разрешил опытный тамада, запихнув в карман линялого фартучка официантки все еще актуальные красные десятирублевки. Официантка сбегала за уборщицей и сторожем, и они продефилировали втроем, волоча позвякивающую скатерть со всем ее многообразным содержимым.

Чехи все еще рассаживались за длинным столом в глубине зала, и гражданская часть группы пропустила предыдущий акт сцены. Просто они с удивлением заметили, как десяток осанистых мужчин вдруг дружно подобрал подол длинной скатерти и завел его со всех сторон на географический центр стола. Однако наиболее бдительный и профессионально ориентированный член зарубежной экспедиции успел углядеть базисный этап события и ошарашенно рявкнул Hrome!¹, припечатав удивление кулаком об стол и разразившись здоровым хохотом.

Удивление чехов длилось недолго:

– Это армянский народный обычай! – помахал им оттертой рукой очухавшийся благодаря боевому сигналу Тоникян. – Когда у нас рождаются близнецы, мы обязательно два-

¹ Hrome! (чешск. яз.) – Чтоб мне провалиться!

жды меняем убранство стола. Фольклор и экзотика! Вергуш джан, пять бутылок шампанского на стол наших итальянских гостей!² Привет нашим младшеньким, Ромику и Ремику!³

Чехи ничего не поняли, но, увидев шампанское, заулыбались и заплодировали, а углядчивый член команды продолжил кулачную канонаду по столу, всеу поминая Вечный город. Под этот аккомпанемент Шварц расплатился с официанткой за провальное застолье и в том числе – за щедрость глобалиста Тоникяна. Ребята вышли на свежий морозный воздух, спихнули доктора в сугроб, вываляли в нем от всей души и после курса ускоренной реанимации радостно запихнули в машину.

Заканчивать на низкой ноте не хотелось, и они поехали дальше по туристическому маршруту, в Гегард. Там у подножия выдолбленного в монолите скалы древнего храма празднично пестрели всеми цветами текстильной промышленности Лоскутки Желаний, привязанные к голым веткам деревьев. Покачиваясь на ветру, они должны были напоминать Господу Богу о справедливом распределении благ, которое с различными обоснованиями вымаливали здесь прихожане храма. Их оставляли здесь с незапамятных времен – еще с тех пор, когда Господь-то наверняка был, но хранящееся

² Нгом (арм. яз) – название города Рима

³ Имеются в виду Ромул и Рем, основавшие, согласно преданию, г. Рим. Дата основания Рима – 753 г. до н. э. Ереван старше на целое поколение строителей – 782 г. до н. э. Оба окружены семью холмами.

здесь копьё еще не проткнуло его Сына.

Тоникян и пара молодых ментов повытаскивали из карманов носовые платки и принялись привязывать к ветвям, пытаясь сосредоточиться на одном-единственном, притом невинном желании. Но то ли Тоникян спьяну не то пожелал, то ли свежие пятна на его платке свидетельствовали о наличии осуждаемых всеми религиями пороков, но он оскользнулся, кубарем скатился по крутому скату метров на двести и чудом не угодил в бурливую речку.

Пока Тоникяна догоняли и выковыривали из снега, отряхивали и прощупывали на предмет возможных травм, все изрядно продрогли. Вот и решили заехать в соседний ресторан согреться и попить кофе. Ресторанчик был по-своему уютный, с искусственными пальмами в кадках и пластиковыми лианами по стенам вокруг барной стойки. Поверхность выработанного из качественной иранской нефти ковролинового пола была от руки расписана томными павлинами, а в зале, за вьетнамской бамбуковой портьерой, уютно потрескивал камин с настоящими местными дровами. Так что кофе в тропическом уголке посреди заснеженного Гегарда на отметке в полтора километра над уровнем моря незаметно перетек в заказ шашлыка, который, как известно, не сразу жарится. Точно также незаметно на столе объявилась водка, которую грамотный тамада, как известно, никогда не позволит смешивать с шампанским и менее благородными напитками. Так что «дорогие тосты», как называют свои выступле-

ния велеречивые руководители застолий, продолжились под закуску все тех же острых перчиков.

Только на третьем после антракта на природе тосте участники застолья заметили отсутствие Тоникяна. Когда обеспокоенный Шварц ринулся на его поиски, он наткнулся на пасторальную картинку безмятежно воркующего с барменшей Тоникяна за ополовиненной бутылкой шампанского. Там же, на барной стойке, стояла еще одна, уже пустая. Но водворенный на место среди друзей бледный Тоникян был весел, несмотря на полученные под Деревом Желаний ушибы.

– Армен джан, брат джан, – начал он, и только в эту минуту прояснившееся от нескольких чашек кофе сознание Шварца послало необходимый сигнал: таким бледным Тоникян бывал только тогда, когда его уж очень сильно мутило! Тут мало было иметь опыт оперативника и разряды самбиста – нужно было быть самим Шварцем, что сделать молниеносный захват, вовремя вытащить Тоникяна из-за стола интердизайнерской забегаловки и воткнуть в солидный сугроб у тропинки.

Когда снежные омовения Тоникяна повторились с неотвратимостью заново прокрученной хроникальной съемки, из которой были вырезаны лишь чешские итальянцы и купание в ручье, неутомимый автор двойни собрал свой дружеский коллектив и направил караван обратно в столицу. Там полудохлого Тоникяна сдали с рук на руки обрадованным медсестрам его больницы, а менты закатились в роддом с охап-

кой экспроприированных у торговцев роз и от души кричали под окнами счастливой роженицы. И только потом с присущей им целеустремленностью и последовательностью финально засели в ближайшем ресторане, где стол был украшен только сизыми сосисками и все теми же отечественными стручками огнедышащего зеленого перца.

Зачем гражданам знание УПК и детской классики?

2004 г., 13 декабря

Шварц уселся за свой задрипанный рабочий стол, выложил стопку бумаги и, сверяясь с «делом», стал выписывать в колонку добытые сведения:

1. Жены:

Ануш Мкртычевна Айказян, 1-я жена. Год рождения – 1962. Была замужем с 1980 по 1982 г. В тот же год переехала в Москву. До 1990 г. работала переводчицей с английского языка в системе Минводхоза СССР. Второй муж – Полуботко Константин Иванович. Дочь – Полуботко Карина Константиновна. В мае 1990 г. гр-ка Айказян вернулась в Ереван, вступила в партию «Дашнакцутюн», в числе активистов была арестована в декабре 1994 г., в июле 1995 г. умерла в санчасти СИЗО от рецидива тропической лихорадки, перенесенной в ходе давней загранкомандировки в Нигерию.

Шушаник Вагановна Барсегян, 2-я жена. Замужем с 1982 г. по 1983 г., младший научный сотрудник в лаборатории экспериментальной биологии в системе Министерства сельского хозяйства Армении. Брак аннулирован. Детей нет. Больше замуж не выходила?

Регина Вайнер, Испания. Женаты с 84 г.?

Дебора Рено. Брак зарегистрирован в мэрии Ориндж Ка-

унти, Лос-Анджелес, США, в 1992 г. В 1993 г. аннулирован решением окружного суда.

2. Приятельницы:

Светлана Гаспарян, 1970 г. р. Бывшая чемпионка Армении по гимнастике. Бывшая учительница физкультуры. Место работы? Место жительства – ул. Демирчяна, 36. Лусинян был у нее вечером накануне убийства;

Назели Терзян, сотрудница канцелярии МИДа. Дважды звонил ей из дома накануне убийства;

Гретта Айсорова, риэлтор в агентстве недвижимости. Часто созванивались и виделись в последнее время;

Анаид Мардукян, владелица кафе «Каскад». В последнее время Лусинян был дважды замечен в кафе за беседой с ней.

Проставив еще несколько фамилий и дойдя до Камиллы Султановой, Шварц чертыхнулся и закурил:

– Ну, Арамис, ну, мушкетер чертов, мало ты меня при жизни доставал, так нате вам, гробь время на всех твоих блядей...

Список был необъятный, а на каждом листе меморандума, завершающего очередные тридцать страниц «дела», возникали все новые имена.

В дверь тихо постучали.

– Войдите, – рыкнул Шварц, захлопнул папку и спрятал ее в ящик стола. В дверях, в шубке из целой стаи неизвестных Шварцу зверьков, возникла фигурантка № 5, Светлана Гаспарян.

– Так значит, вы – Светлана Гаспарян, бывшая учительница физкультуры в средней школе номер четыреста одиннадцатый, – проговорил скороговоркой Шварц и уставился на удалую подружку Арамиса, изучая конфигурацию объекта.

Над не по-женски боевым носом нависала выпуклая челка, берущая начало под кожаной кепкой. Крошечные по армянским стандартам, но яркие глазки-изюминки на белоснежном лице задорно шурились на Шварца. Ниже все скрывали шуба и сапоги.

– И что он в ней нашел? – подумал было Шварц, но взгляд профессионала безошибочно определил, какую нефертитьевую шею, точеную фигурку гимнастки и стройные ножки следует иметь в виду. – А вот нос что не состригла – молодец!

Свидетельница уселась на выживший в кабинете с доисторических времен венский стул, скрипнула им, закидывая ногу на ногу, расстегнула шубку, демонстрируя идеальную шею и аккуратный бюст над тонкой талией, достала сигарету. Шварц медленно, со знанием дела, устремил на нее давно отрепетированный тяжелый взгляд, менторски отчеканил: «У-нас-не-курят», – и потянулся за анкетой для допроса. Светлана пожалала меховыми плечами и спрятала сигарету в аккуратный кожаный футлярчик.

Шварц приступил:

– Фамилия, имя, отчество?

– Вы же са-а-ами сказали. Гаспарян. Светлана Гра-а-антовна, – запела гимнастка типично бакинским говором.

- У нас такой порядок. Год рождения?
- Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.
- Место рождения?
- Город Баку-у-у.
- Социальное положение?
- А-а-аховое, – сострила Света.
- В смысле?

– Родители работали инженерами на заводе кондиционеров в Баку-у-у. В девяностом сумели бежать в Ереван. С тех пор не работают и живут на пособие в гостинице, бомжовке для беженцев.

– А вы? – сурово продолжил Шварц, не дав сочувствию проявиться.

– Я тогда училась здесь в Институте Физкультуры. Окончила в девяноста пе-е-рвом.

Шварц заполнил графу, внутренне забавляясь распежкой Светы, и продолжил:

- Судимость? Привлекались?
- О Бо-о-оже мой, – устало вздохнула Света.
- Ну да. В девяноста четвертом находилась под следствием как помощник директора кооператива «Шининвест». Но в связи с непричастностью к финансовым операциям была выпущена из абовянского СИЗО всего через три недели после задержа-а-ания.

– Ага, – обрадовался Шварц, – это та самая финансовая пирамида, что кинула наших доверчивых граждан на пять

миллионов баксов?

– Четыре миллиона семьсот двенадцать тысяч триста восемьна-а-адцать, – поправила непричастная к финансовым операциям Света.

– Сейчас работаете?

– Работаю. Помощник заместителя директора государственного агентства недви-и-и-жимости, – гордо выдала спортсменка, которая и вправду была, очевидно, хорошим помощником. Раз уж взяли на работу в госструктуру при наличии слегка замаранного прошлого. Или за это и взяли? Надо разобраться.

– Замужем?

– Да-а-а...

– Полное имя мужа?

– Левон Ншанович Алтынов, тысяча девятьсот пятьдесят девятого года рожде-е-ения.

– Когда оформлен брак?

– Пока не оформлен, но мы женаты почти го-о-од.

– То есть вы не женаты, а сожительствуете, – поправил

Шварц.

– То есть мы не сожительствуем, а состоим в гражда-а-анском браке, – укоризненно поправила его гимнасточка.

– Это вы про Ленина с Крупской начитались и на нынешних «звезд» насмотрелись, Светлана Грантовна, – распахнул специальную улыбку Шварц: когда надо, он умел улыбаться профессионально-омерзительно. – Вот если бы вы расписа-

лись в загсе и не пошли в церковь, брак был бы гражданским. А так – это сожительство, которое при условии совместного ведения хозяйства квалифицируется как фактический, но отнюдь не юридический брак. Понятно объясняю?

– Угу-у-у, – расстроено протянула Света, и Шварцу даже стало ее жаль.

– Вот и хорошо. Ранее в браке состояли?

– Расписалась, состояла, развела-а-ась.

– Вы с бывшим мужем проживали на той же улице? – справился Шварц.

– О Го-о-осподи, – поежилась от чрезмерной информированности Шварца Света. – Ну да. Мы как раз жили в доме напротив, Демирчяна, 38.

– А сейчас где проживаете? – спросил Шварц, успевший разузнать о скандалах Светы с первым мужем благодаря всё тому же информатору.

– Демирчяна, 36, квартира четыреста двена-а-адцать.

– Это ваша квартира или Алтынова?

– Это наша квартира, – поправила Света, – Лёва летом купи-и-ил.

– Лёва летом купи-и-ил.

– На чье имя?

– Не зна-а-аю... – задумалась Света. – Наверное, на свое.

– Да, Лёва верен себе и наверняка кинет и эту фигуристую дурочку, – подумал Шварц, а вслух спросил:

– Какого рода отношения связывали вас с Лусиняном?

– Мы с ним учились в одном институте. И вообще он старый това-а-рищ... В смысле – мой и му-у-ужа, – пропела Света, – они в детстве жили на одной улице...

– И всё? – уставился на нее Шварц.

– Да-а-а, – протянула она без настроения.

– Где был ваш муж в ночь с восьмого на девятое декабря? – неожиданно спросил Шварц.

– Был в рабочей поездке в Стамбул. Уехал четвертого, за несколько дней до этого... – Света всхлипнула, достала из сумки футляр с разовыми платочками, хрюкнула в один из них и продолжила: – а вернулся одиннадцатого, в день похорон.

– Потому что узнал об убийстве Лусиняна?

– Нет, – Светлана повторно всхлипнула и убрала футлярчик, – он надолго там не остается. Так, недели две-три. Бывает, на неделю. Это еженедельный рейс.

– А что он в Турции потерял?

– У него би-и-изнес...

– Какой?

– Ну, у него же тураге-е-ентство, «Тур дистрибьютерс».

– Зарубежный туризм, внутренний?

– Анталя. Остальное – по мелочам, – пожала пушистыми плечами Светлана.

– А что делал Лусинян у вас в ночь с шестого на седьмое декабря?

– Мы разгова-а-аривали...

– Как долго?

– Не помню, час или два-а-а...

– У нас есть сведения, что он у вас оставался всю ночь!

– Непра-а-авда...

– Хм, а вот здесь у меня записано, что его видели выходящим от вас под утро седьмого числа.

– Ну и что-о-о?

– А то, что мужчина и женщина ночь напролет, а особенно в отсутствие ее мужа, вряд ли совместно решают кроссворды!

– Ха, – расправила плечи бывшая учительница, – вас послушать, так Мойдодыр был любовником мамыши того грязнули.

– Какой Мойдодыр? При чем тут Мойдодыр? – опешил Шварц.

– опешил Шварц.

– Ну, он же вдруг выбежал утром из маминой из спальни на кривых ножках! С чего бы это вдруг? И что он там вообще делал?

От былой вялости Светланы не осталось и следа. Перед ним была спортсменка, готовая жонглировать булавами, отлавливать мяч спрятанной за спину рукой, не запутаться в лентах и при этом улыбаться судьям и болельщикам.

– А у Федоры обязательно был роман с самоваром: чего он ей так многозначительно подмигивал? – справилась она у Шварца, блестя глазками-изюминками.

Шварц сломал, вытаскивая из пачки, одну сигарету, вторую рывками запихнул под левый верхний резец, щелкнул зажигалкой и понял, что не сможет теперь отказать этой обманчивой флегматичке в аналогичном удовольствии. Внутренне собравшись, он протянул ей свою пачку и вежливо спросил:

– Вы все мультики смотрите или только любимые?

– Вообще-то классику, в том числе детскую, я изучаю в книжном виде. Но любимая моя книжка на сегодняшний день – УПК. И если мне не изменяет память, задерживать меня далее вы не имеете ни оснований, ни права! – боднула головой в знак отказа от предложенного канцерогена Свидетельница-Подозреваемая и напряжила торс в знак готовности встать и улетучиться к такой-то матери.

– Нет, – думал Шварц, просматривая потом письменные показания Светланы, – этому сперматозавру олауреаченному мне надо было при жизни намять бока, скормить ему все пять медалей, не дав ничем запить, чтобы знал, скотина, что нельзя так однообразно подбирать себе в любовницы одних образованных фигуристых стерв. О господи, ну и тип был этот несчастный Арамис, ну и окруженьице... Вот зачем бывшей гимнастке и учительнице физкультуры, а теперь – всего лишь помощнице директора, знание УПК?

И здесь надо признаться, что, как и все сотрудники правопорядка Армении, Шварц терпеть не мог юридически сильно подкованных граждан, попадающих в «дело» в каче-

стве свидетелей или подозреваемых. Собственно, грамотных больных у нас не любят и врачи.

– Эх, Арамис, – угрюмо думал Шварц, – на кого ж ты их всех покинул? Чует моя душа, долго еще бродить твоему мушкетерскому привидению со шпагой...

Где бреют снегурочек

Декабрь, 1994 г.

Трудно объяснить непосвященному, как навскидку отличить проститутку от святой, пока они молчат, а глаза прикрыты. Вот уж когда заговорят, то не надо быть слепой, но ясновидящей Бабой Вангой, чтобы определить: с той стороны слышен мягкий голос женщины, любящей мир во всех его, даже самых варварских, проявлениях, а с этой – тотальная ненависть той самой, кто по профпринадлежности является жрицей не чего-то там, а любви.

Конечно, и та и другая может быть блондинкой или брюнеткой, с пышным бюстом или полным его отсутствием. И у той и у другой может быть дурной или отменный вкус в выборе одежды и бытовых вещей. Но взгляд! Если вы заглянете в глаза отработавшей с десятков лет профессиональной шлюхи, то наверняка испугаетесь: это взгляд мертвеца. Пустой экран органа, работающего не только сканером визуальной информации, но и несомненным передатчиком сигналов души обладателя. А души уже нет. Ну как же ей уцелеть, если душевный комфорт проститутки обеспечивается оборотами тяжелой махины цинизма, топливом для которой служит сама душа?

Нет души – и все тут! Есть только палочки, колбочки и другие сенсоры и рецепторы. Такой инвалидностью некогда

отличались только киллеры и бывалые проститутки – несомненные братья и сестры на ветви генеалогического древа человечества. На протяжении последних веков отряд бездушных пополнялся новыми разновидностями, распознать которые всегда можно даже издали. В наши дни, к примеру, непроницаемые солнечные очки и такие же стекла машин стали неотъемлемой частью их внешней оболочки.

Вы вспомнили невинную Джулию Робертс в роли Красотки, словившей в свою первую рабочую ночь не триппер, а мультимиллионера? Что ж, на то Голливуд и есть великий сказочник. Жаль только, что в назидание девчонкам всего мира Золушка у него захомутала принца на белом мерсе не праведным трудом на кухне мачехи, а минетом в роскошной койке отеля.

Что вымаливают бездушные над вереницами самых толстых и дорогих свечей, зажженных ими в церквях, когда спасать уже практически нечего: души-то умерли, и свидетельством тому – пугающая пустота в отретушированных глазницах? Хорошее здоровье для производственных успехов? Новых клиентов? Беги от них, читатель! Так как если ты встал на их дороге, то единственно возможный расчет в деле твоего устранения – рентабельность. Плюс – минус, актив – пассив, и вот уже подводится баланс: разница в сколько-то там тысяч долларов! И разница эта – в пользу твоего уничтожения.

Взгляд Анаид был подобен взгляду забальзамированной

лет пять тысяч назад мумии: там царил кошмар абсолютной пустоты. Начинала она, как большинство ее коллег: сперва, недоучившись до девятого класса сельской школы, удрала из дому с любимым парнем. И мать театрально прокляла ее и не менее драматично поклялась перед соседями и родственниками назад не принимать. Потом любимый парень стал попивать и поколачивать ее в большом городе, где их никто не знал и не мог бы за нее заступиться. Потом врач-гинеколог в консультации предложила найти будущему ребенку богатых родителей и хорошо заплатить. И у Ано, как ее называли в родной деревне, были самые роскошные передачи и самые красивые букеты на тумбочке в палате роддома. Уж они с любимым здорово приоделись и целый месяц таскались по кафешкам на заработанную тысячу долларов.

Потом деньги кончились, и он снова попеременно любил ее и поколачивал. А поколачивал за то, что продала его кроvinочку, его мальчоночку, и продала задешево: на них в Армении другая рыночная цена. Потом его поймали на воровстве и посадили. Потом знакомые девчонки из кафешки объяснили, что ничего в ночном промысле зазорного нет: это просто временный способ заколачивания хороших денег и с нее не убудет. И наконец Мама Роза – так здесь называется профессия сутенерш – привела ее в окраинный район Еревана в свою конюшню на десять девиц. И это была удача, так как платить за квартиру было уже нечем, а квартирная хозяйка, насмотревшаяся на безрезультатно осевшее пузо Ано,

уже грозились сдать ее органам.

Это было странное общежитие, где входная дверь хлопала круглосуточно. Две комнаты квартиры были уставлены кроватями девчонок, а из кухни пахло яичницей и колбасой. Там же, над плитой, были густо натянуты веревки, на которых бесконечно сушились всенепременно красные нейлоновые трусики и не менее сексапильные бюстгалтеры. А в третьей комнате стояли кровать, журнальный столик с толстой бухгалтерской книгой и кресло, в котором день-деньской утупала жирная Мама Роза и вела по телефону запись клиентов, как заправский диспетчер в автопарке. Днем заполнялся сетевой график работы по вызову, ночью оказавшиеся в простое девицы отправлялись на работу на ведущее в город шоссе.

У Мама Розы были сумасшедшие связи, и это завораживало заплутавшую в городе стайку деревенских дурочек. Для подкрепления связей она не только платила живыми деньгами, но и регулярно одаривала своих покровителей еще более живыми девчонками. Щедро одаренные ребята «крыши» частенько передаривали свои подарки нужным людям – для укрепления собственных сумасшедших связей. Так у девиц заводился свой номенклатурный блат, и некоторые из них переоценивали свои возможности, за что получали от Мама Розы по первое число. И число это проставлялось фиолетовыми фингалами под глазами выскочек и здоровыми синяками на их неутомимых задницах. Случалось, что клиенты

и сами избивали девиц до полусмерти. Бывало, что и вовсе убивали: это было начало девяностых, время смутное, темное по ночам и богатое на нерасследованные трупы.

Но под занавес девяноста четвертого, 28 декабря, когда в день совершеннолетия Анаид девчонки пищали от восторга, примеривая прикупленные Мамой Розой белоснежные бисерные трусики и лифчики Снегурочки, их взяли всем скопом. И не потому, что проституция разонравилась опекавшим ее чинам, а потому, что нужно было собрать компромат ни много ни мало, а на целую политическую партию. Ее как раз накануне запретили, с полсотни активистов посадили, и теперь, уже задним числом, их следовало как следует вывалить в грязи. А лучшего метода, чем компра от проститутки, для этого еще не изобретено. И лучшего места для откровений шлюх, чем женский следственный изолятор, тоже трудно придумать.

Еще не пуганных тюрьмой девиц и бывалую Маму Розу рассадили по разным камерам для предупреждения синхронизации показаний, а пару-тройку выбранных наудачу салаг превентивно отлупили кабелем с резиновой оплеткой в карцере изолятора. Карцер располагался на первом этаже тюрьмы, камеры – на втором, и обеспеченный хорошей акустикой голых стен вой истязаемых шлюх проникал сквозь полы всех камер, леденя кровь несостоявшихся снегурочек. Но еще до этого, чтобы сделать их безраздельно сговорчивыми, девчонок остригли наголо под машинку. И Ано смекнула: это на-

долго!

Люди не понимают хороших щенячьих манер

Лето, 2003 г.

– Не потом, а сейчас, и не вообще собачку, а вот эту, беленькую, – топал ногой, как малыш, здоровый девятилетний пацан и всем своим видом угрожал разреветься.

– Ну подожди, пойдем домой, расскажем маме, заснем, проснемся и придем за твоей собачкой, – увещевал его грузный и седой отец.

– Ни к какой маме не пойдем и нигде не заснем, если не возьму соба-а-ачку, – и мальчик действительно привел угрозу в действие. Плач был исполнен заливисто, с толком, так что привлек внимание старичков на скамейках парка.

– Да-а-а, если отцом становишься в возрасте деда, то и относишься к ребенку, как добрый дедушка, – оглушительно зашептал один из старичков своему глуховатому приятелю.

– Ба вонц⁴, – еще громче откликнулся тот, – а если дед под каблуком бабки, то не дай Бог, что из поскребыша получится. Безотцовщина – она и при живом отце безотцовщина...

Софи решила принять участие в дискуссии и нежно лизнула руку грузного человека.

Возможно, ее взяли бы и без этого явного подхалима-

⁴ А как же (арм.)

жа. Но, может быть, подхалимаж как вневалютная разновидность подкупа – наиболее эффективный способ достижения цели на протяжении всей истории человечества. К тому же он никогда не преследовался законом. А историю человечества каждый щенок знает не хуже собачьей истории. Тем более что первая не намного длиннее второй. Как бы то ни было, в тот же день Софи попала в настоящий дом, где было много света, который отражался даже от пола. И она с непривычки щурилась и удивлялась своему отражению в полу. Но самым приятным было то, что в доме не было грозных Усатых Зверей и противных Ниточников.

– Эт-т-того мне только не хватало, – рассердилась женщина с толстыми ногами, но поставила в угол комнаты блюдо с таким аппетитным запахом, что Софи бросилась к нему, смешно задирая задние лапки под упругим белым хвостиком, и Поскребыш весело рассмеялся.

Это было вкусно. Это было так невероятно вкусно, что половина была съедена моментально, и полегчавшее блюдо заплясало от энергичных движений розового язычка Софи. Тогда она решила обеспечить посуде устойчивость и забралась в нее передними лапками. Но блюдо опрокинулось, а вкусное содержимое растеклось по блестящему полу. Вот тогда-то ее и отшлепали в первый раз.

Второй раз ее отшлепали, когда умница Софи, уже обученная своей мамой хорошим манерам, отошла от блюда в дальний угол и напустила там лужицу: не делать же пи-пи

рядом с едой. Но Толстые Ноги хороших щенячьих манер не понимали, и мало того что отшлепали, да еще стали тыкать аккуратный носик Софи в противную лужицу. Вскоре шлепать пристрастился и сам Поскребыш. Он шлепал ее спроне даже тогда, когда она тихо поскуливала поутру рядом с его кроватью, так как терпеть лужицу в животике не было никаких щенячьих сил.

А потом Софи перевели в недостроенную мансарду и заперли там. Мансарда была еще более светлая, чем сам дом. Косые окна пропускали горячее солнце, и спрятаться от него можно было только за штабелями, пахнущими свежеспиленными деревьями парка, и за огромными твердыми мешками с чихательным запахом. А во всех углах жили Ниточки. Дважды в день Толстые Ноги приносили вкусные объедки, свежую воду, но бесконечно ворчали, заметив кучки какашек, и норовили шлепнуть. Но Софи уже научилась увертываться от ударов и прятаться в узком проходе за штабелями, куда Толстые Ноги протиснуться не могли.

Зато по вечерам Старик и Поскребыш отпирали дверь мансарды, надевали на Софи нарядный кожаный ошейник с блестящей табличкой на нем и поводок, и они втроем шли гулять в парк. Софи принюхивалась к каждому кусту и дереву в расчете обнаружить следы мамы и братиков, но ими совсем не пахло. Но чем только там не пахло! Трава и деревья были настоящей ароматической газетой с многообразием новостей и прочей информации, и Софи читала свою

«вечерку» с прилежностью старичков на скамеечке. А выводы делала гораздо более прозорливые, чем они. Идентифицировать авторов с оставленными ими метками было уже не так трудно, как вначале, и Софи вскоре поняла, что необходимо осторожничать, если почувствуешь свежий след косолапых вороньих слетков, контролируемых сверху черноклювыми мамами. Ох, налетела одна как-то, спикировала сверху и чуть было не лишила глаза! Старик едва отогнал проклятую ведьму. И наоборот, всеми силами следовало искать Добряка, который при каждой встрече нежно трепал ее за ухом, почесывал грудку и угощал вкусными недоеденными косточками.

О преимуществах американского диалекта над лорийским

Декабрь 1994 г.

Камера, куда ее, лопоухую, привели, была на шесть человек. Пять мест на двухэтажных нарах были застелены, и Ано, молча глотая слезы, расстелила свой матрас на единственно свободном в верхнем ярусе и приготовилась лечь. Девчонки в камере зашикали на нее, а из смотрового окошка двери раздался мат и рык дежурного надзирателя:

– Вста-а-ать! Сейчас сидеть! Лежать только после отбоя, с двадцати трёх до семи ноль-ноль!

Встать – сидеть – лежать. Где-то она уже слышала эти команды. Ну да, так дрессировал своего ротвейлера ходивший вокруг нее кругами мальчишка с верхнего этажа Мамы Розы. Но она-то не ротвейлер! Ано примостилась на лавке у стола, и девчонки с обритыми головами стали знакомиться. Здесь, конечно, сработали профессионалы сортировки: у всех подсудимых были абсолютно разные статьи уголовного кодекса, и коллеги не пересекались. Одна обвинялась в групповом разбойном нападении на должника подружки, другая – в соучастии в мошенничестве очередной финансовой пирамиды, третья – в убийстве мужа-наркомана, четвертая – в воровстве кошелька в автобусе. А вот пятая была «политическая», и она сидела себе внахалочку за столом, с длин-

ными волосами, читала книжку на непонятном языке и не скрываясь смеялась!

– Твою мать, – молча возмутилась Ано, – чего ж она, дура старая, регочет в этом проклятом месте? – а вслух спросила:

– А что это вы читаете?

– Это О'Генри, американский писатель, – улыбнулась ей дура старая, – и я обычно читаю его рассказы, когда болею и не могу больше ничего делать.

– А это – американский язык? – кивнула на книгу Ано. В сельской школе из-за хронической нехватки кадров проходили только армянский.

– Это ты точно заметила, – продолжала улыбаться женщина, как будто и вправду преспокойненько болела себе насморком на любимом домашнем диване, – это уже слегка американенный английский язык, так как писал О'Генри еще в начале века. А в наше время уже можно наверное говорить о самостоятельном американском языке. Вот как твой лорийский армянский отличается от государственного. Хотя лорийский мне нравится не меньше. И гумрийский, на котором так красиво говорит Нелли, – она указала на разбойницу, – и гаварский, на котором говорит Мануш, – и убийца гордо похлопала себя по груди, – и очень яркий гадрутский, на котором так вкусно говорит наша Света, – и мошенница весело раскланялась.

– Видите, какое у нас языковое соцветие? – рассмеялась Ануш, и девчонки вокруг стола тоже заулыбались.

«Да подавись ты своим вкусным американским, сучка проклятая», – так и хотелось сказать Ано, но она спросила:

– А по-армянски вы читать-писать не умеете?

– Еще как умею. Но раз так получилось, что в кои-то веки я никуда не спешу, то можно попрактиковаться в английском, а то за всеми делами стала забывать слова.

– А вы давно здесь? – спросила Ано, и сидящая по ту сторону стола воровка окрысилась на нее:

– Ты чего прицепилась к тыкин⁵ Ануш? Чего это ты все расспрашиваешь да расспрашиваешь? Наседка, небось?

Слово было незнакомое, но явно обидное, и Ано среагировала:

– Да уж не воровка, как ты!

– Ах ты шлюха придорожная, – задохнулась воровка и попыталась дать ей в глаз прямо через стол. Но Ано шустро уклонилась, и воровка, потеряв равновесие, бацнулась мордой о столешницу.

Из-за двери опять послышался мат, в окошке появился ястребиный глаз надзирателя и раздался рык:

– Стоять! Опять подрались, бляди-преступницы? Ну кого я буду драть в карцере за нарушение режима? – и в замке заскрежетал ключ.

Девушки поспешно встали, вытянулись во фронт, повинно склонили головы, как нашкодившие детсадовские, а Ануш сказала:

⁵ В армянском обществе – уважительное обращение к женщине.

– Извините нас, господин лейтенант. Это я случайно книгу уронила, девочки бросились поднимать, вот и получился шум...

– А мне твои извинения нужны, как кроту лампочка, тыкин Ануш. Еще раз хлопнется твоя книжка – будешь читать только тени на потолке. Поняли меня все? – спросил надзиратель, обвел всех взглядом мясника на экскурсии в хлев, и девчонки поежились.

– Это она виновата, выведывает тут, понимаешь, – зашептала воровка, когда надзиратель вышел.

– Успокойся, Алвард, – тихо ответила ей Ануш, – девочке и вправду интересно. Когда я появилась здесь неделю назад, вы и сами интересовались моими книгами, и я только рада вашему интересу...

– Да она ж подсаженная, у нее на лбу это написано, – не унималась та.

– У всех у вас написано на лбу одно и то же. А написано там, что вы просто невезучие двадцатилетние девочки, которых в свое время бросили родители или любимые, а уж вы сами бросили учебу.

– Вот уж не-е-ет, – запротестовала Света, – у меня высшее образование: я-то кончала физкультуринститут! Но мы там неме-е-ецкий проходили...

– Ладно, – рассмеялась Ануш, – считай физкультуринститут высшим образованием и всё, что я говорю, – к тебе не относящимся. Вот посмотрите, девочки, – оглядела она сидящих

за столом, – как здорово здесь у О'Генри сказано, сейчас переведу. Ага, вот: «Город – жизнерадостный малыш, а ты – красная краска, которую он слизывает со своей игрушки». Вот вас и слизывает город, а вы не сопротивляетесь. И жить вам неинтересно, потому что нет в вашей жизни интереса к знаниям, а есть только стремление к стяжательству...

Слово было уж очень мудреное, но девчонки согласно закивали головами.

– Надо что-то с вами делать, а то от безделья вы будете бесконечно драться и спускаться в карцер, драться и спускаться, пока не заработаете хроническую болезнь... День-то долгий, а занять его нечем... А хотите, я научу вас английскому языку? – спросила вдруг она и внимательно всмотрелась в лица сокамерниц.

Что тут началось! Девчонки шепотом визжали от восторга, и Ано подумала:

– Вот это да! Не было бы счастья, как говорится, да тюремное несчастье помогло. Вот это везуха! Да с английским плевала я на эту толстую жабу Маму Розу! Да я с английским совсем с другим контингентом буду хороводиться, совсем других клиентов кадрить! И выберу себе другую точку в городе, где они суеются: в самом центре, рядом с красивыми кафешками и солидными гостиницами! И платить мне будут больше, и вонять от них будет меньше...

– Точно решили? – спрашивала между тем Ануш, – лениться не будете? Я ведь строгая. Ну раз так, то составим

такое расписание: первый урок сразу после завтрака, потом вы готовитесь ко второму уроку, который будет до прогулки, чтобы вы могли его на свежем воздухе закрепить, а третий урок – перед сном. С таким плотным графиком выйдете вы у меня отсюда профессорами. Идет?

И девчонки хором, но шепотом ответили: идет! А самая настоящая разбойница подскочила и чмокнула Ануш в щеку:

– Ну что бы мы без тебя делали, тыкин Ануш?

– Ничего у нас не полу-у-учится, – вздохнула деловитая Света, – ни бумаги, ни ручек нам никто не да-а-аст...

– Дадут, – уверенно сказала Ануш. – Только вы мне обещайте, что будете применять их только для уроков – без ксив в соседние камеры и прочих провокаций. А то действительно отберут и больше не вернут. Раз столько новеньких поступило, то начальник тюрьмы обязательно пройдет сегодня по камерам. Вот я его и попрошу.

Начальник тюрьмы действительно объявился. Подполковник Гагик Погосян был толстомордым коротышкой с отвисшим брюшком и его микрокопиями под глазами. Он был садистом и не столько бабником, сколько распущенным хозяином гарема законопослушных женщин. Но сам был чрезвычайно послушен министерскому начальству. А потому, раз уж разрядка была спущена, всячески пытался спровоцировать на дерзость эту чистюлю из запрещенной партии. Что-то в ней такое было, что заставляло его тушеваться в ее

присутствии! Он репетировал у себя, как войдет в камеру, смерит ее презрительным взглядом и уничтожит своим знаменитым сквернословием. Врывался в камеру, чтобы не потерять пыла, матерился. И долго потом его донимали воспоминания о том, как он старательно и виртуозно матерился, а она, с каменной маской на лице, вперивала округлившиеся глаза в стену, тогда как остальные угодливо хихикали.

– Английский, говоришь? – скривил он губы под толстым угреватым носом, – шпионскую сеть своей партии прямо здесь, у меня в СИЗО, раскидываешь?

– Знания языков еще никому не мешали, господин подполковник. Мы ведь гордимся, что президент Армении господин Тер-Петросян знает девять языков. Попробуем дать шанс и этим девочкам. Ленин говорил, каждая кухарка может научиться управлять государством, – ровным голосом парировала Ануш.

– Так то – кухарки, а не бляди, уважаемая тыкин, – ехидно осклабился Погосян и разочарованно проводил ее холодный взгляд, упершийся в стену.

Как опасно неправильно нарекать детей

14 декабря 2004 г., утро

Счастливым день безделья не удался. По части безделья у Верки всегда была напряженка. Поперек всего само собой текущего она умела возводить плотины дел и обязательств. Да и напрягать окружающих призывами смотреть на собственную текучку с точки зрения необходимости конструктивных перемен.

Так было и сейчас. Жили себе целых 30 человек, в меру сил пребывали в состоянии социальной безмятежности. И только в испорченной излишней сознательностью башке Верки всплыло, что в начале января у классной руководительницы день рождения, который каждый год после восьмидесяти следует считать юбилеем. И надо иметь совесть наконец собраться и поздравить ее. Тем более что летом, когда у Верки не было ни минуты времени и ни копейки денег, ни одна собака не сообразила консолидироваться, чтобы отметить страшно-сказать-какое-летие школьного выпуска.

Начнем с того, что никакая она была не Вера, а самая настоящая армянская Арев. Оба имени были перевертышами, но у русских означали веру вообще, а у армян – конкретный символ прежнего верования, Солнце. Таких имен-перевертышей Вера знала целую кучу и в хорошем настроении

терроризировала своих подружек, худенькую Ани и здоровую Инну тем, что те фактически являются перевертышами друг дружки. Когда-то у папы всего-то и хватило характера, чтобы прописать ее в метрическом свидетельстве в честь бабушки Арев. Но маме образ литературной героини Чернышевского был гораздо милее, чем память свекрови, так что новорожденная Арев Погосовна была озвучена как Вера Павловна, и этот внутрисемейный псевдоним оказался живучим. Так была решена судьба ребенка: вместо нежной и ласковой Аревик, папиного-маминоного солнышка, в доме выросла сорви-голова и заводила всех дворовых авантюр, рыжая кудрявая Верка.

Несмотря на последовательные профессиональные ухищрения маминой родни, испокон веку специализировавшейся на педагогике, сильно закомплексовать Верку им так и не удалось. Чуть ли не ежедневные посиделки теток во главе с часто наезжавшей из другого города бабушкой – мрачной школьной директрисой в роговых очках, сурово осуждали любое своеволие кудрявой строптивницы. Но итоговый счет препирательств всегда шел с ее значительным перевесом, а регулярная война с объединенным ханжеством только укрепляла характер.

– Боже мой, Верочка, – собирала ладони, как для аплодисментов, тетя, преподававшая географию, – как ты могла сказать взрослому человеку «катись»? Ты что, не знаешь, что со взрослыми надо разговаривать иначе?

– Вот я и сказала «ка-ти-тесь», второе лицо, множественное число, – попыталась оправдаться Верка. – А чего он грубил бабушке?

– Но ведь он бабушкин младший брат, – теперь ее урезонивала тетя, преподававшая физику.

– И что, – уставилась на нее Верка, – значит, теперь мне можно грубить старшим сестрам?

– Перестань препираться со взрослыми и катись отсюда – второе лицо, единственное число, – сказала мама. – И в единственном числе будешь весь воскресный день: во двор – ни ногой! – Мама преподавала русский язык.

Когда Верка перешла в четвертый класс, они с малышкой двора сами устроили летний лагерь с нарядными разноцветными флажками вокруг дворовой беседки и уже репетировали концерт художественной самодеятельности. Кто-то из ребят подсказал, что после концерта у дельных взрослых обычно бывает банкет с выпивкой и закусками. Мысль была здоровая, но трудно реализуемая, так как клянчить у взрослых деньги на детский банкет представлялось делом занудливым. Но Верка придумала план. И достойно реализовала с дворовым коллективом.

Когда стройные ряды лимонадных бутылок и одиннадцатикопеечных магазинных эклеров уже ожидали концерта на составленных дворовых скамейках, с пятого этажа раздавалось:

– Арев, быстро домой!

Мама называла ее настоящим именем только в состоянии крайнего недовольствия, и спорить было нельзя. Дома уже заседал весь педсовет во главе с бабушкой.

– Верочка, – вкрадчиво начала тетка, преподававшая географию, – на какие деньги вы купили лимонад и эклеры?

– На заработанные, – честно ответила Верка.

– А мне кажется, на выклянченные у чужих людей, – жестко влезла тетка-физичка. – Как вы смели попрошайничать?

От обиды Верка чуть не задохнулась, но звонко выговорила:

– Это почему это, когда собирать для школы по домам макулатуру и металлолом – это тимурство? А собирать по домам пустые бутылки для концерта художественной самодеятельности дворового лагеря – попрошайство?

Логика была такая железная, что мама даже не исправила ей ошибки в русском языке.

– Да-а-а, ты далеко пойдешь, – только и сказала тетя, знавшая географию. А мама добавила:

– И пойдешь напрямиком в свою комнату – и никакого двора до конца лета.

Конечно, концерт без нее был бы провален, но тут домой пришел папа, обработанный по дороге Шварцем и другими ребятами. Бабушкин педсовет сидел у папы в печенках, должно быть, не меньше, чем у Верки. Они с мамой долго препирались свистящим шепотом в коридоре. И мама упрекнула его:

– Это все ваши, Петросяновские гены, – намекая на папичных братьев-цеховиков. А папа ответил:

– А ведь хор-р-рошие гены, если ваше педагогическое сю-си-муси не смогло их перешибить! – И совсем громко:

– Аревик, на выход! Но в 21:00 чтоб была дома! Верка разогналась, повисла на отце, чмокнула его в мягкую щеку и выскочила пулей из дому. И концерт состоялся и даже удался. А впредь, завидев противную подругу тетки, отдавшую всего-то две бутылки, да и те с треснувшим горлышком, она деловито переходила улицу. И разбиравшаяся в физике, но ни черта не смыслившая в детях тетка знала, что официально ей ничего не предъявишь.

– Боже мой, когда же это было! Вроде бы вчера, но в другой жизни, – думала теперь вполне взрослая Верка, исследуя ящики своего рабочего стола в поисках старого блокнота. И тут раздался телефонный звонок.

Наши методы контроля за китайской рождаемостью

14 декабря 2004 г., утро

– Привет, Верон, – раздался в трубке голос Шварца, – ну как там наш будущий генералиссимус?

– Слушай, не узнать: полгода не видела своего мальчика, а уже взрослый мужчина. Я вчера как раз от Артошки письмо и фотографии получила. А может, заглянете с Марго ко мне вечером? – весело затараторила Верка.

– Сегодня вечером – вряд ли, но завтра-послезавтра встретимся обязательно. Вы же с Тиграном входите в число свидетелей по делу вашего охламона-родственника, – мягко подготовил Шварц.

– Ну не дурак? Царствие ему небесное, конечно, но у меня на него зла не хватает: явно опять во что-то вляпался. Ты представляешь, какой на том свете ансамбль ангелих будет ему на арфах играть? – как всегда, Верка болтала, зажав телефонную трубку между ухом и плечом и водя карандашом по бумаге.

– Даже сводный оркестр, – усмехнулся Шварц, в точности представляя, как Верка уже иллюстрирует свою идею на бумаге. – Я что хотел спросить, Верон: этот Лёва, его друг, ведь женат на твоей подруге Любе?

– Был! – объявила Верка, тщательно вырисовывая паль-

чки потусторонней арфистки.

– Развелись, что ли? – осведомился Шварц, тоже прижал телефонную трубку к плечу и взялся за пачку сигарет.

– Еще как! – выдохнула Верка, переходя к перышкам на крыльях.

– Это как – еще как? – поинтересовался Шварц, щелкнув зажигалкой: в разговорах с Веркой темп задавала она.

– Ну, они вообще недружно жили. У него отцовских чувств – ноль. А Любка – типичная наседка, требует внимания к детям. А мужчины, ты знаешь, – отцовским инстинктом не обладают, он у них производный от человеческих качеств. Хороший человек – хороший отец, а если плохой – то и отец никакой... – Верка экспромтом выдала афоризм и отставила карандаш: вторая ангелиха безосновательно начала походить на Любу.

– Ничего себе – умозаключения! Это ты философом на своем горьком опыте стала, Верон? Ничего, все еще образуется, – посочувствовал Шварц Веркиному семейному провалу, выпустив вытянутыми губами идеальное кольцо дыма.

– Здравсте. Никакой он у меня не горький, а даже счастливый. Растворился мой муж в Шенгенском пространстве – и слава Богу. Уже ровненько пятнадцать лет, как уехал на минуточку в Польшу, а исчез в Нидерландах, да? Зато лет через двадцать прославится пара шведов или голландцев, и мы обрадуемся: ага, а папа-то у них – армянин! – продемонстрировала беззаботность Верка.

– А что, и плохие поступки чреватые вполне пристойными результатами, философ ты наш доморощенный! – рассмеялся Шварц.

– Ничего плохого в доморощенности нет. Наука свидетельствует, что доморощенные дети на всю жизнь по всем статьям опережают детсадовских, – выдала Верка очередную порцию своих фирменных умозаключений, и Шварц насто-рожился:

– Это намек?

– Господи, какой тут может быть намек, если родители по утрам тебя в садик аккуратно отводили, а бабушка еще аккуратнее вызволяла еще до дневного сна? И вообще ты во всем – исключение. А философом всегда становятся на личном опыте, помноженном на опыт окружающего человечества. При наличии высокого интеллектуального коэффициента, конечно.

Да, Верка сегодня была явно в ударе. Но треп, хоть и приятный, угрожал затянуться.

– Ну уж с коэффициентом у тебя всегда все было в порядке! – подытожил Шварц и гладко обратился к интересующей его теме:

– А что Лёва?

– Лёвка, хоть и мерзавец, но наказан был женой беспощадно, – ответствовала Верка, начав переделывать арфу ангелихи в допотопную доску для стирки.

– Отдубасила, что ли? – спросил Шварц, памятуя могучее

телосложение Любы.

– Лучше. Они когда собирались развестись, он решил показать ей шиш: мол, и квартира на Вернадского, и дача, и турагентство и торговые палатки – его личная собственность, а она пусть катится куда хочет. Ты представляешь? Он ведь и прописку-то московскую получил благодаря Владимиру Ивановичу – помнишь Любкиного папу, полковник был такой важный, в каракулевой папахе?

На бумаге появился новый персонаж в папахе с кокардой.

– Помню. И что? – Шварц потушил сигарету и взялся за шариковую ручку.

– Что – что! Люба же у нас – законница, здоровых славянских кровей. Вот она села и прилежно расписала все его виды собственности, с адресами и явками, и с этим списком – к налоговикам. Дальше рассказывать?

– Нет, – рассмеялся Шварц, делая записи, – откупился или пришлось посидеть?

– Откупился, мерзавец, но вернулся в Ереван без рубля в кармане. И на меня смотрел на похоронах Арамиса, готовый убить. Думает, Любка без меня не сообразила бы его так прицельно наказать. – Верка уже набрасывала гадственную физиономию Лёвы и попутно вела репортаж: – Хотя упакован был с иголки и дорого: видимо, успел в Ереване снова развернуться.

– Давно приехал? – поинтересовался Шварц, осуществляя чудеса многостаночника, так как правая рука строчила

по бумаге, левая крутила колесико зажигалки, левый резец зажимал сигарету, а правое плечо крепко прижимало телефонную трубку к уху.

– Что-то около года, – ответила Верка, потеряв интерес к предыдущему рисунку и вытаскивая из пачки свежий лист бумаги.

– И где он теперь живет?

– Понятия не имею, но могу у Любы спросить: она из Москвы все еще контролирует ситуацию, – индифферентно ответила Верка, уже набрасывая физиономию насупленного Шварца с орлиным носом и глубокой складкой между бровей. Рассеченный подбородок и обувная щетка усов завершали портрет.

– У Любы? Да нет, не надо, – ответил Шварц, готовясь округло завершить разговор.

– Хорошо, что ты позвонил: что-то я свой старый блокнот никак не найду. Ты как опытный детектив мне не подскажешь, куда он мог запропасться? А еще лучше – надиктуй для всеобщего сбора телефоны ребят, и тех, что ушли после восьмого, – сообразила Верка.

Разговор был чреват потерей времени, но отзывчивую Верку нельзя было обижать.

– Большой привет! Это скорее по линии Интерпола, чем по моей, Верон, – отшутился Шварц.

– Здравсте, теперь преступники тебе видятся и среди одноклассников, – обиделась-таки Верка.

– Да нет, я не о том, – стал оправдываться Шварц. Дело явно пахло дополнительной сигаретой, но он воздержался. – Просто четверо ребят в Лосе, Арсен в Бостоне, Завен в Кембридже, Ваник и Гагик в Москве, Акоб в Питере. Кто там еще? А, ну да, Самвел в Торонто, Ашот в каком-то французском захолустье, которое он в письмах родне именует Парижем, будучи в двухстах километрах от него. И Хорик в Норильске просвещает аборигенов шашлыками по-карски. Вот тебе и двенадцать апостолов десятого «А»!

– А ведь все двенадцать – иуды! – возмутилась Верка. – Форменные иуды, обменявшие статус нормальных граждан своей собственной страны на сто двадцать восьмой эмигрантский сорт, и даже в Норильске! – что ему, паразиту, запахло было шашлыки в Ереване жарить? Мало ты его, Шварц, дубасил!

– Скорее передубасил, – усмехнулся в трубку Шварц и щелкнул-таки зажигалкой, – последние мозги отшиб балде! Инженер-химик исследует синтез свинины с шашлычным маринадом в условиях Крайнего Севера! Может, он диссертацию готовит? Ладно, Верон, не порть здоровье, девчонки-то – на месте!

– Здрасте: «на месте»! Расползлись, как змеи, за своими гадами по всему свету. Слушай, а может, это мы эмигранты? – выдала Верка риторический вопрос, набрасывая картину последней вечери на фоне небоскребов. Посередке восседал Шварц с сигаретой в левом углу рта и кулаком, направ-

ленным на Хорика с шампуром. – А что? Однокашники и родственники уехали, знакомые нам с детства дома посносили, каланчи юнистайл понастроили, деревья в парках под гостиницы и кафешки повырубали – может, это мы живем за границей?

– Верон, ты в Китае в последнее время была?

– ровным голосом осведомился Шварц, с отвращением гася сигарету.

– Да вообще не была, – насторожилась Верка.

– Вот и напрасно. Иначе бы знала, что телефоны в Китае прослушиваются, – усмехнулся Шварц, опорожнил пепельницу в газетный лист, скомкал его и прицельно выстрелил в урну у двери.

– Ага, – быстро среагировала понятливая Верка, – у них так контроль над рождаемостью осуществляют.

Обморок из-за Гитлера в рядах НКВД

1973 г., весна

Еще со двора и с самого первого класса Шварц был ее вечной надеждой и опорой. От богатства идей и реализующей их мощной энергии у Верки дым валил из ушей, и энергия не всегда направлялась в мирное русло. В результате ей довольно часто доставалось, но если бы не набычившийся и контратакующий Шварц, доставалось бы практически в режиме нон-стоп. И никаких таких карамельных детских любовей, перерастающих в американское искрометное взрослое чувство, между ними не было и быть не могло. Просто однажды Шварц мысленно решил, а потом и во всеуслышание заявил, что Верон – его сестричка. Имя обрело армянский облик, звучание и прозорливое значение – «стремящаяся ввысь». Статус названной сестры классного силача сулил относительно безоблачное существование, и Верка пришла в восторг. Понятно, что она пожаловала Шварца эксклюзивным правом так ее называть и вообще отвечала такой же завидной для окружения сестринской преданностью, набрасываясь, как кошка, на недоброжелателей и разрисовывая за него стенгазету.

И здесь следует разъяснить, что самопровозглашенные титулы названных сестры и брата являются в армянском обществе серьезной демаркационной линией. Это даже не ли-

ния, а хорошо укрепленная граница, исключая перебежки декларантов на амурные пространства их жизненных сценариев. А нарушения, если и случаются, гадливо относятся окружением к разряду морально-нравственных кровосмешений: нечего было зря болтать, если с выдержкой не все в порядке; не мужик он, а баба! А что касается настоящей бабы, так ей достается и того больше. Словом, сказал – так и топай по торной дорожке системно и систематически ответственного за сестру названного брата до самого последнего вздоха!

Третьей и придающей, согласно законам геометрии, устойчивость описываемой фигуре стороной был настоящий Веркин брат. Точнее, настоящий троюродный, что не приносит никаких логических изменений в расклад, за исключением разных пап, мам и дедушек, которые были все-таки родными братьями. Натурального троюродного брата Верки и друга Шварца не-разлей-вода звали Тигран Тоникян. Он-то и придумал Шварцу в дальнейшем мгновенно приставшую кличку и напридумал еще много чего. К сожалению, с другой, материнской стороны, он приходился двоюродным братом Арамису, но что тут поделаешь! В Армении это является вполне нормальным совпадением, так как родственников и друзей, а также родственников родственников, друзей друзей, родственников друзей и друзей родственников здесь – подавляющее большинство населения.

Шестидесятые-семидесятые, на которые пришлось время

учебы Верки и Шварца в школе, были периодом незыблемости основ советской педагогики. Непререкаемость авторитета учителей и классных руководителей подпиралась тогда родительской тройкой. Эта созданная по модели расстрельных революционных судов команда родителей была призвана укреплять в каждом школьном классе авторитет классрука и осуществлять педагогический мониторинг внутри семей учащихся. И в полном соответствии с законами демократического централизма сливалась в единый родительский комитет школы, руководимый лично директором или завучем.

Родители Шварца школу особым вниманием не жаловали, так как считали учебу его личной проблемой, с которой он вполне успешно справлялся. Сами они работали в серьезных учреждениях с утра и допоздна, домой приезжали вместе, прихватив с собой домашние задания в пухлых папках квартальных отчетов и проектно-сметной документации. На родительские собрания тоже ходили вдвоем и дружно делали круглые глаза на робкие предложения классрука поучаствовать в жизни школы или хотя бы классной «тройки».

Деятельность первичной ячейки педагогического надзора была у всех на виду, и Шварц усмехался под нос, наблюдая за амбициозными виражами мамаш слабеньких одноклассников. Мамаша пытались собственной активностью компенсировать малюсенькие способности к учению собственных чад. А в шестом классе к ним хлынула волна новеньких разгильдяев, выбывших по успеваемости из соседних школ с мате-

матическим и языковым уклонами. И в родительскую «тройку» был избран дедушка еще одной новенькой, высоченный отставной майор милиции.

Всем своим причесом и усиками «12:00» майор был абсолютной копией Гитлера. Шварц не раз задавался вопросом, как же это, воюя с Германией, Сталин позволял своим наркомам, командармам и далее вниз, носить такие усы и зачесывать чубчик набок. Наверное, так ему легче было видеть в каждом из них врага народа и принимать соответствующие меры. Уже тогда интересовавшийся милицейско-чекистскими делами, Шварц не мог взять в толк и еще одно: как же это дедушка его одноклассницы, прошедший войну и всю жизнь прослуживший в органах, вышел в отставку всего-то в звании майора.

Но однажды в начале октября в школьном дворе его перехватил запыхавшийся и раскрасневшийся чернявый и кучерявый толстячок из новеньких, с первого дня набивавшийся в друзья. Этот Тигран Тоникян приходился Верке родственником и после неудавшейся любви к математике был переведен в их школу и именно в их класс из расчета его расстроенных родителей на Веркино серьезное попечительство.

Тигран был весельчаком, пройдохой и тупицей, каких свет не видывал. При всей стандартности своей внешности он умел очаровывать одноклассниц и даже учителей. А симпатии мальчишек пытался завоевать хулиганистыми замашками и рассказами о соответствующих друзьях из привок-

зального района. Это якобы с ними он периодически исчезал на пару-тройку дней для осуществления каких-то тайных воровских операций, что в дальнейшем оказалось полным блефом. Просто вместо школы он уходил в парк и читал там замусоленные им до состояния ветоши детективы.

Так было и на этот раз. Давясь и жестикулируя, запыхавшийся Тигран нес непонятный сумбур, из чего пока еще школьник, но будущий сыщик Шварц сделал для себя выводы и выстроил вот какую логическую цепь событий.

Заметив очередное продолжительное отсутствие Тоникяна, классная руководительница определила опасную тенденцию в поведении новичка и решила направить представителя «тройки» для выяснения домашней обстановки. Так к Тоникянам был делегирован суровый майор «12:00». Когда он позвонил в дверь квартиры, оттуда раздался лай собачки кукольных, судя по голосу, размеров. Бывалый майор собак терпеть не мог, так как насмотрелся на их служебные замашки за свою карьерную жизнь, но тьякалок не боялся. Вслед за лаем послышался сюсюкающий голос хозяйки, должно быть, увещевавшей свою «куку-сюсю». После чего дверь открыла пышная улыбающаяся дама в китайском халате. Она приветливо посмотрела на майора, потом улыбка медленно сползла с ее лица, потом румяное лицо посерело, и дама бацнула, как выпущенная из рук кукла, прямо на ковровую дорожку коридора.

Собачка закружила по периметру хозяйского тела и не

по-крошечному завыла. Ошарашенный майор шагнул в коридор, приподнял голову припадочной, целомудренно прикрыл ее пухлые ножки китайским халатом, и собачка больно вцепилась в его лодыжку. Пытаясь лягнуть собачку свободной ногой и удержать в руках голову ее хозяйки, представитель «тройки» воззвал к возможным обитателям квартиры. На шум из глубин квартиры засеменила и запричитала старенькая бабушка. Высыпали соседки из квартиры напротив, заголосили, заохали, побрызгали даму в халате водой, смазали височки, дали ей попить, и она открыла глаза. Когда собачку оттащили от порванного и слегка окровавленного на лодыжке носка майора, взгляд обладательницы китайского халата пришел в фиксированное положение, она указала слабой рукой на высоченного майора и только сказала:

– Смотри, мама, кто пришел!

– Чтоб сдох твой хозяин, – последовала мгновенная реакция бабули, но обращена она была не к собачке, а к майору.

Обалдевший представитель «тройки» ничего не понял, но ему быстро объяснили.

– Смотрите, люди, – не по возрасту резво жестикулировала бабуля, обращаясь к соседям, – это тот, кто с двумя такими же уродами пришел к нам в дом в тридцать шестом и увел моего мужа. С тех пор мы его не видели, сколько ни писали в НКВД. Куда ты его дел? Ах, похороню я тебя!

И здесь надо отметить, что озвученная угроза – единственное ругательство армянских бабушек (если не считать

предыдущего выпада в адрес хозяина). Но в силу естественной разницы с возрастом адресата угроза эта имеет оттенок устрашающего проклятия. Однако отставник и сам был в приличном возрасте. Он был настолько в возрасте, что уже и не помнил, кого это он в очередной раз уводил на возможный расстрел; откуда; по чьему навету; и в каком чине он сам был тогда – то ли капитана, то ли майора. Вот из-за таких крикливых баб его и разжаловали после проклятого съезда, и ему пришлось еще двадцать лет ишачить в должности районного участкового, чтобы дослужиться до майоровой пенсии.

Словом, пенсионер мгновенно ретировался, забыв о своей педагогической миссии. Ему еще здорово повезло, что в те святые времена практически все мужчины страны днем пребывали на рабочих местах, так что вслед ему неслась только бабья нелицеприятная разноголосица под аккомпанемент тявканья кукольной собачки. Мающиеся вынужденным бездельем сегодняшние мужчины Еревана, да еще привокзального района, такой аттракцион не пропустили бы без активного участия и связанных с ним удовольствий высказаться и размяться. Так что можно считать, что майор вовремя родился и еще более вовремя в дальнейшем откинул коньки.

Но бедной его внучке не было с тех пор проходу в классе. И самым обидным было то, что никто из мальчишек и девчонок, предводительствуемых Шварцем и Веркой, так и не объяснил ей причину изгаженного имиджа. Да она бы и не поверила.

А маленький Шварц еще не знал, что и ему придется пройти через вселенское унижение разжалования в звании майора по причинам, прямо противоположным понижению майора «12:00».

Шесть листов, которыми вымощен путь из Английской палаты

Январь 1995 г.

Теперь она была Ида.

– What⁶, what, what; where⁷, where, where, when⁸, when, when, – весело кричали сокамерницы в унисон, и тыкин Ануш задавала ритм прихлопыванием по столешнице. Девочки и сами похлопывали себя двумя пальцами по вытянутому в трубочку губам, и их звук w уже вполне походил на оригинал.

– Very well, – одобрительно улыбалась Ануш, – and what is your name, young lady?⁹

И, зардевшись, как на первом светском рауте, отвергнув первую половину своего имени Анаид отвечала:

– My name is Ida¹⁰.

– Good, – продолжала одобрять Ануш, – and where are you from, Ida?¹¹

– I was born in a small village situated in wonderful Lory

⁶ Что. (англ.)

⁷ Где (англ.)

⁸ Когда (англ.)

⁹ Очень хорошо. А как зовут Вас, юная леди? (англ.)

¹⁰ Меня зовут Ида. (англ.)

¹¹ Хорошо. А откуда Вы родом, Ида? (англ.)

Mountains¹², – медленно, но верно выговаривала Анаид, заглядывая в бумажку, и думала:

– Да чтоб она сторела со всеми ее жителями, эта wonderful village¹³...

Трижды в день дежурный надзиратель раздавал шесть огрызков карандашей и шесть листков бумаги, которую следовало экономить. Трижды в день забирал карандаши сразу после урока. Трижды в день девчонки ждали очередного урока как лучшего в их жизни события. А между занятиями и подготовкой к ним слушали подробные пересказы в лицах заграничных кинофильмов «про любовь» в исполнении артистичной Светы: таких видеокассет у нее дома был целый шкаф!

Не только ругань женщин-заключенных исчезла с территории камеры, но заглох и мат из бесстыжих уст надзирателей. Возможно, это была заслуга именно английского языка, подкрепляемая всеми его литературными авторитетами. А возможно – магия постижения знаний. Но налицо была явная несовместимость фени и how nice of you¹⁴, щедро раздаваемом Ануш старавшимся услужить ей сокамерницам и приносявшим карандаши надзирателям. Да надзиратели и сами ждали этих уроков, толпились за зарешеченным окон-

¹² Я родилась в маленькой деревне, расположенной в прелестных Лорийских горах. (англ.)

¹³ Восхитительная деревня. (англ.)

¹⁴ Как мило с вашей стороны (англ.)

цем запертой двери, повторяли слова и весело откликались на адресованные девочкам шутки Ануш. Это уже была не Камера номер шесть – это была Английская палата, как ее метко назвал брюхоглазый начальник СИЗО Гагик Погосян.

Теперь уже день проскакивал даже прытче, чем на воле. А заведенному, как в заправском пионерском лагере, распорядку мешали допросы, откуда девчонки возвращались вздрюченные и опустошенные. Потому что следователи легко возвращали их на бренную землю, напоминая, какие увесистые сроки им в принципе можно припаять, если не сдадут всех, кто их, следователей, интересуется. И выйдут они на свободу хорошо лопочущими по-английски бабушками. Ануш возвращалась с долгих допросов внешне спокойная, открывала свою любимую книжку, долго смотрела невидящим взглядом, курила, а когда начинала наконец перелистывать и улыбаться тексту, девчонки облегченно вздыхали: отпустило!

Поначалу Ано-Ида была спокойна за себя, так как статьи за проституцию, как говорила Мама Роза, в УК не было. Это означало одно: подержат немного, попугают, порасспрашивают про кого надо и выпустят на волю. Но на волю без волос нельзя, пусть лучше отрастут. Так что лучше перекантоваться тут пару месяцев, постараться угодить толстомордому Погосяну, да и у этой дуры Ануш английскому поучиться. Чего ей не хватало, дуре старой – целых тридцать три года! – сидела бы себе в Москве, ездила в командировки за границу

со своим гребаным английским. Дома – солидный муж-профессор, тапочки приносит, как собака. Опять же двенадцатилетняя дочка-отличница есть. Сиди себе и пей чай с готовыми пирожными из дорогого магазина! Так нет, ее, видите ли, взбудоражила независимость Армении. От чего независимость? И кого? Новых говнюков у власти от старых? Ей про них девчонки тако-о-ое рассказывали – черт те что!

Как Арам стал Арамисом, и даже больше

Осень 1973 г.

Когда Шварц с Тиграном учились в шестом классе, в школе началась настоящая эпидемия увлечения фехтованием. Шварц давно и прилежно занимался самбо, Тоникян к спорту относился пренебрежительно и предпочитал день-деньской читать посторонние, как выражались педагоги, то есть не вошедшие в школьную программу книги. Но многие мальчишки, а следом за ними и симпатизирующие им девчонки ринулись записываться в новую секцию фехтования. Секцией руководил родившийся в эвакуацию уже в Ереване сын москвичей-химиков Дмитрий Славиков – бывший чемпион Советского Союза, но отныне просто Товарищ Дима.

Славиков преждевременно выбыл из спортивного строя из-за множественных переломов конечностей, полученных во время безобразной драки в московском ресторане. Драка последовала как раз за очередным тостом в процессе обмывания его чемпионской золотой медали. Она же завершила его блестящую спортивную карьеру. Так что отлежавшись в Склифе и переев ударного средства для сращивания костей, варева под названием хаш, добросовестно приносимого из армянского ресторана участливыми друзьями, на медицинскую свободу он вышел с чистой совестью врачей и их реко-

мендациями найти себе профессиональное занятие, не связанное с большими нагрузками. Так Дима вернулся в Ереван чемпионом Союза и инвалидом, решившим продолжить свою жизнь в спорте в качестве тренера. И открыл секцию фехтования в общеобразовательной школе прямо напротив своего дома.

Мальчишки смотрели Диме в рот, их уши краснели от его резких окриков. Изю дня в день пытаюсь повторить демонстрируемые им выпады, они старались заслужить скупую похвалу чемпиона, рассказывали о нем легенды – словом, боготворили. Все они были хорошими ребятами спортивного сложения, добросовестными и дисциплинированными. Но не было в них божьей спортивной искры, какими-то незначительными подробностями в реакции и движениях позволяющей понять: вот он – будущий чемпион! Тогда Дима кинул клич среди малышей, и Тоникян привел своего юркого двоюродного братца – четвероклашку Арама. И Дима понял: вот из такого отменного материала он и сотворит несостоявшегося себя, будущего олимпийского чемпиона. Уже на второй тренировке красавчик Арам был наречен Арамисом и начал свой крутой подъем в карьере непобедимого шпажиста и неисправимого сердцееда.

В восьмом классе он стал встречаться с тихой красивой девочкой из соседней школы. Девочку звали Анушик, и своей кротостью она так не походила на его ретивых фанатов, что заслужила его удивление, перетекшее в нечто щемя-

ще-дразнящее, что большинством определяется как любовь. Конечно, встречаться – это сильно сказано. Просто Анушик терпеливо ждала дома, пока он поздно вечером, обессиленный тренировками, притащится к ее подъезду, свистнет особой трелью из-под балкона, и она опрометью спустится вниз по ступенькам в ожидании по-хозяйски крепкого объятия, веселых пересказов Диминых каламбуров и головокружительного прощального поцелуя. Арамис тренировался даже в праздники и особенно интенсивно – в выходные. Анушик прилежно делала уроки, зубрила неправильные английские глаголы и совсем неправильно мечтала о временах, когда Арамис достаточно натренируется, чтобы отводить ей больше времени.

Когда они окончили школу, Арамис уже был чемпионом Союза среди юниоров, и поступление в физкультурный институт для него было связано только со сложностью выкроить время, чтобы явиться на экзамены. Анушик поступила на иняз, и после зимней сессии товарищ Дима благословил их брак, позволяющий экономить время на свиданиях.

Это была настоящая армянская свадьба с украшенными цветами машинами, хвастливыми гудками на протяжении всего следования нарядного кортежа, толмой, шашлыками, бесконечно сменяемыми закусками, роняющими слезу достаточно молодыми мамами, гордящимися красивой четой усатыми папами, водкой, коньяком, вином, весельчаком тамадой, стройным красавчиком чемпионом-женихом

и пронзительно-счастливой невестой. Представитель городского Комитета физкультуры зачитал им официальное поздравление и подарил ключи от будущей квартиры в возводящемся квартале. Но пока им предстояло пожить на крошечной застекленной веранде густонаселенной квартиры, где обитали родители Арамиса, два старших неженатых брата и старенькая бабушка.

Гостей было человек сто. Были даже приглашенные из Москвы и соседних республик. Понятно, что кавором, или посаженным отцом, был товарищ Дима, который был ничуть не меньше героем стола, чем жених с невестой. Расчувствовавшийся Дима даже спел для них, аккомпанируя себе невпопад. «Я-а-аблони в цвету-у-у, како-о-ое чу-у-удо», – выводил он своим неожиданно бархатным баритоном, и перламутровый немецкий аккордеон смотрелся на его могучей груди, как одинокая закусочная тарелочка на просторах пустого обеденного стола. Хорошая была свадьба. И брак был счастливым. А продлился он почти два года.

Как Анкехцпаратон вышла замуж во второй раз

14 декабря 2004 г., утро

Как и большинство знакомых Шварцу патологоанатомов, судмедэксперт Генрих Альбертович был весельчаком и любителем анекдотов. Постоянная близость к чужой смерти настраивала на бережное отношение к радостям собственного быстротечного бытия. Причины для веселья этот лохматый, где не лысина, крепыш находил повсюду. И не в последнюю очередь – в исследуемых трупах.

– Ну что тебе рассказать новенького, помимо того, что уже записано в заключении? – весело уставился он на Шварца, сплетя бледные пальцы на аккуратном животике под толстым свитером: температура в кабинете была ненамного выше той, что рядом, в морге. – Девочки, нам два хор-р-роших кофе поставьте! – жизнерадостно крикнул Альбертыч в глубь коридора морга и продолжил: – убит твой Лусинян проверенным древнеегипетским способом. Тяжелым предметом перебито основание черепа, что привело к кровоизлиянию в мозг, остановке дыхания и смерти в течение двух-трех часов. А может, чуть меньше или больше: время-то – холодное.

– Это у них жрецы так баловались? – улыбнулся Шварц, заведомо готовый к очередным шуточкам Альбертыча.

– Если ты помнишь из истории древнего мира, самый незначительный из египетских фараонов, Тутанхамон, попал в историю только потому, что его гробница, в отличие от всех прочих, не была разворована и досталась ученым целехонькой. И сохранилась отлично забальзамированная мумия. Когда командовавший раскопками Картер рассмотрел ее внимательно, он обнаружил... А вот и кофе! Ну молодцы девочки, и домашним печеньем побаловали! Хор-р-рошие у меня здесь девочки...

– Так как убили Тутанхамона? – спросил Шварц и прикинул, сколько информации на этот раз обрушит на него эрудит Альбертыч.

– Ага! – обрадовался патологоанатом живому собеседнику. Диалоги с трупами сегодня ему явно наскучили. – Как убили, чуть позже скажу, но ты послушай, какие сделали из убийства выводы! Американцы – они ведь любят сенсации больше, чем свои кингбургеры. Прикинули они, что военачальником колесничного войска при этом бедном мальчике Тутанхамоне был человек по имени Ай. Что-то вроде командующего танковыми войсками, да?

Шварц согласно кивнул.

– А женщины военных любят, да?

– Не знаю, – улыбнулся Шварц, – я-то полицейский.

– Ладно-ладно, не прибедняйся. Мы – хоть и в морге, но информированы получше праздношатающихся живых, – весело подмигнул Альбертыч.

– Ну и при чем тут вся эта мутота про командарма? – осведомился Шварц и выдернул сигарету из пачки.

– А при том, что после Тутанхамона осталась юная красавица-вдова, Анкехцпаратон, маму которой каждый школьник до сих пор в лицо знает. Как не знаешь? Еще как знаешь! Нефертити это была, вот кто. А дочь ее остановила свой выбор на Айе. Типа как Амнерис имела виды на Родомеса. Сильная любовь была, судя по всему. Детей ему родила, а от Тутанхамона только выкидыши получались. Так вот Ай сперва правил при ней де-факто, а потом был возвеличен в фараоны. И вот здесь-то у американских историков возник извечный вопрос ваших расследований и всех детективных романов: кому же было выгодно умертвить Тутанхамона? И решили, что Айю, или Гайю, или Эйю, как иногда его упоминают. Просто взяли и испортили человеку классическую биографию через три с половиной тысячи лет после смерти! Каково, а? А ведь с их романтической истории оперы можно писать почище «Аиды»! А может, с нее и написана, кто знает?

Тут Шварц, конечно, недоуменно усмехнулся.

– А ты не усмехайся, Шварц. Ты поезжай в Норкский массив, там кому памятник стоит? – И Альбертыч снова сам себе ответил: – Такому же военачальнику, но Красной армии, – Гаю! А как его по паспорту звали? Айк, или Гайк, Бжишкян! А почему? Да потому, что нет в русском языке буквы h, как нет и в попытках озвучить египетскую иероглифику!

– Тебя послушать, так и айны в Японии армяне, – улыбнулся Шварц. – Или коньяк «Айк».

– А кто? Кто они, если не армяне? У японцев глазки узенькие, кожица гладкая, безволосая, а у тех глазищи – во! Бородищи – во! – растопырил руки Альбертыч. – Вот если бы хоть одного айна сюда в прозекторскую на стол доставили, я бы и без анализа ДНК по антропометрическим признакам и надпочечникам быстро дал определенный ответ. Череп арменоида ни с чем не спутаешь. Но лучше бы, конечно, доставили коньяк. Ящик! – Паталогоанатом радостно улыбнулся здоровой гипотезе и потер бледные пальцы.

– Генрих Альбертыч, так что обнаружил Картер в случае с убийством фараона? – попытался-таки получить ответ Шварц. Но тот слезать с конька не собирался:

– Я много думал на эту тему, Шварц, и точно понял: тот египетский Ай точно был армянином, и не спорь. Гиксосы, те же армяне, что правили Египтом полтора века, не могли просто так раствориться. Даже если меняется верховная власть, номенклатура-то сохраняется. Она вечна! А от гиксосов до Тутанхамона и ста лет не прошло. И вообще древние армянские царства граничили с Египтом, там жили родственники, сваты, кумовья – всё, как у нас сейчас. И что американцы прицепились со своими подозрениями к Айу? Был парень храбрым генералом, женился после Тутанхамона на дочке Нефертити – внучке армянского митанийского царя, и сам стал фараоном. А сына знаешь как назвал?

– Нет, конечно, – рассмеялся Шварц и показательно посмотрел на часы.

– Гор его звали, вот как! – победно воскликнул Альбертыч, и Шварц присвистнул.

– Да у них в Египте даже бог был по имени Гор, что по нашему означает «грозный». Ты понимаешь, как всё складывается один к одному? – праздновал историческую победу Альбертыч, – кстати, и российского царя Ивана сперва армянское войско, воевавшее на его стороне, прозвало Гором, а уж потом прозвище перевели и сделали Грозным. Он еще, чтобы ты знал, в честь армянского воинства знаешь какие храмы воздвиг?..

– Генрих Альбертович, – прервал его отчаявшийся Шварц, – ты здорово рассказываешь анекдоты, а я не умею. Но один как раз вспомнил. Встречаются два стареньких западных армянина в Америке, и один спрашивает другого: «Ну что новенького у вас? Сына наконец женил?», а тот отвечает: «Ну да». «Ну, глазам свет, – поздравляет его приятель, – а на ком он женился?». «Да на другом парне». Тут любопытный старичок, не теряя надежды, продолжает допытываться: «Ну хоть тот, другой-то, хотя бы армянин?» Так и ты. Да Бог с ними, с древними египтянами: армяне они были или китайцы – нам-то теперь что? А вот как они убили молодого фараона – интересно.

Патологоанатом разочарованно посмотрел на Шварца и, миг потеряв к нему интерес, холодно ответил:

– Очень просто. Когда египтолог Картер наткнулся на него в двадцатых годах, то визуально обнаружил перелом в основании черепа. Рентгена тогда еще не было. Потом уже, задним числом, спустя много лет, американцы сделали какие-то снимки и пришли к выводу, что ударили его спящего, но недостаточно смертельно. И у него образовалась здоровая гематома в продолговатом мозге, которая привела к двух-трехмесячной коме и летальному исходу. А ведь военный Ай не промахнулся бы!

Шварц заволновался:

– То есть такой удар можно нанести только по лежащему? И есть признаки того, что Лусиняна убили лежащим, а потом уже перенесли под арку на Баграмяна? Но нет, траектории крови из носа и ушей и пятна на одежде и асфальте свидетельствуют об обратном...

– Убить можно и стоячего со спины.

– То есть убийца мог незаметно прокрасться и нанести точный удар?

– Не просто точный, но и сильный. Не так уж хрупок наш Атлас, – тут патологоанатом похлопал себя по верхнему позвонку шеи, – чтобы череп слетал с него при первом щелчке. Ага. Но при одном условии. Убийца должен был быть намного выше своей жертвы. А если учесть, что в Лусиняне было сто семьдесят шесть сантиметров, то получается – под два метра.

– Ищем дылду? – спросил Шварц и нетерпеливо забара-

банил пальцами по столу.

– Ну да, – улыбнулся одними глазами Генрих Альбертович, надкусывая печенье.

– Алкоголя в крови у него случайно не было?

– спохватился Шварц.

– Трезв был бедняга, как стеклышко, – посочувствовал покойнику опытный патологоанатом.

Сосиски как охотничий трофей

Лето 2003 г.

– А вот и неправда, а вот и нет! Это ты сам привел эту собачку с ее вонючими какашками! А я всегда хотел настоящий двухколесный велосипед! С блестящими спицами! Не пластмассовый, как у деревенщин, а с блестящими спицами! А вот и нет! – кричал Поскребыш и топал ногами, и эти крики ознаменовали последнюю совместную прогулку Софи с ее хозяевами.

Вначале она решила, что запертая перед носом дверь – недоразумение, вызванное забывчивостью Старика. И долго напоминала о себе повизгиванием и поскрѣбыванием двери. Но потом появились Толстые Ноги и грозно прогнали ее прочь. А когда Софи все же вернулась, Толстые Ноги облили ее водой. Софи много раз настырно, но опасливо возвращалась к двери в расчете на то, что Старик хватится ее и накажет Толстые Ноги за бесчувственный поступок. Но Старик не появлялся, а когда все же возник из-за двери, то надел на нее ошейник без поводка, сгреб, поднес к лицу, потерял носом о нос, и Софи весело и благодарно скулькунула в предчувствии раскаяния забывчивых хозяев и счастливого поворота в своей судьбе.

И поворот действительно случился. Они долго ехали со Стариком по городу, много раз останавливались и сворачи-

вали, и голова у Софи слегка кружилась от бесчисленных зигзагов, обилия впечатлений и запаха бензина. Потом они ехали по длинной и ровной дороге, и сидящая на переднем сиденье Софи часто щурилась от теплого ветра из окна. Старик наконец остановился, погладил выпуклый лобик Софи, потерся своим странно промокшим соленым носом о ее прохладный носик и выпустил на обочину.

Софи сделала пару шагов и присела: все-таки это была ее первая поездка в автомобиле, и ее здорово мучило. Но тут прямо на ее нос села нахальная бабочка, и Софи смахнула ее лапкой, склонив голову, и увидела стайку точно таких же, беленьких, рассевишихся поодаль прямо на траве. Рядом по дну каменного желоба бежал совсем прозрачный ручеек, а на его отвесной стене сидела ящерица, терпеливо притворявшаяся прожилкой в камне. Вода в ручейке была холодная, как в городе, но гораздо вкусней. И ее сейчас дегустировала никогда не встречавшаяся в парке задорная птичка с пёстрым хохолком. Птичка демонстрировала безмятежность, но зоркие бусинки глаз держали Софи в кадре, а головка под хохолком прикидывала, ждать от этой четырехлапой глупостей или не ждать. Итоги расчётов были не в пользу Софи, и птичка предусмотрительно вспорхнула.

Здесь, конечно, было намного интересней, чем в парке, и главное, не было постоянно натянутого поводка, который мешал самостоятельному выбору маршрута. Пахло маленьким и вкусеньким зверьком, и Софи впервые в своей мо-

лодой жизни взяла след и пошла на добычу. Зверек тот еще был игрун: он то терпеливо ждал ее, застыв столбиком, то в последний момент, когда она уже была готова схватить его, исчезал под землей, и Софи ошалело склоняла набок голову и рассерженно чихала.

Охота была интересной, но безрезультатной, а когда уставшая Софи вернулась на прежнее место, Старика с машиной на месте не оказалось. Вместо них на обочине лежал прозрачный пакет с перевязанными бечевкой длинными и округлыми, как пальцы Старика, кусочками мяса, а вокруг него суетились вредные мурашки. Когда Поскребыш капризничал, он назло Толстым Ногам иногда бросал со стола такие кусочки для Софи, и она, обжигаясь, заглывала их, чтобы Толстые Ноги случайно не отняли. Софи надорвала зубками пакет, как когда-то это делала ее мама, и в нос ей ударил вкусный запах мясных пальчиков. Эти были даже вкуснее, так как были холодными и вообще невареными. Но куда же делся Старик?

Как допрашивают друзей детства

14 декабря 2004 г., вечер

Допрос свидетелей протекал нестандартно и вообще в расслабляющей обстановке. Да и как он может протекать, если оба свидетеля – твои лучшие друзья с самого что ни на есть беззубого детства? Словом, допрос происходил у Верки в мастерской за закрытыми на висячий замок дверями и больше походил на дружескую пирушку.

– Слушай, Верочка, тебе нужно было не художником, а пластическим хирургом стать, – разглагольствовал Тоникян, любовно накалывая на вилку и демонстрируя Шварцу крошечные лодочки армянских пельменей мантык. – Ушивала бы миллиметрами, а гребла лопатой. А так – мажешь метрами, а получаешь чайными ложечками...

Это была больная тема, так как финансы у Верки горько пели романсы.

– Я для медицины была недостаточно тупой, Тиграша, – отгрызнулась Верка, – если помнишь, в медицинский у нас пошли трое, и все вы были непролазными двоечниками.

– Да нет, Верон, тут ты путаешь причину со следствием. Просто все трое твёрдо знали, что при любой успеваемости поступят они в это кастовое заведение. Вот особенно и не убивали себя учебой, – добродушно заступился за друга Шварц.

– Между прочим, и мы с тобой не убивались, но двоек и троек никогда не имели, – всё еще кипела Верка.

– Это ты своему сыну, Верочка, рассказывай, какой ты была образцово-показательной ученицей, – хмыкнул Тигран, – я-то помню твои двойки по истории! У бедной исторички аж шариковая ручка ломалась, когда она их тебе выводила!

– В последний раз, когда я сидела на уроке истории, это было за Германия, – развеселилась Верка, – и я всего-то у нее спросила, почему этого древнего германца именуют Германием, если на бюсте латинскими буквами выгравировано Armenius. И попыталась объяснить, что на «ий» могут кончаться Держинский, Котовский и Рокоссовский, но никак не древний германец, а тем более – Армен. Историчка, как всегда, возмутилась, что я опять фантазирую и превращаю урок в балаган. А балаган устроил, между прочим, ты: стал величать Шварца древним германцем и получил от него. И я обещала историчке принести в доказательство дедушкину книгу. Тогда она поставила условную двойку – на случай, если я книгу не принесу. А я на следующий урок и книгу принесла, и повторную двойку получила за длинный язык – тогда-то она и сломала ручку пополам...

– И нас обоих потащила к директору! – вспомнил Шварц.

– Здравсте, обоих! Она потащила весь класс, но я была обвиняемой, ты – адвокатом, а класс – свидетелями.

– А ты, между прочим, правильно начинал карьеру, Шварц. Мог бы сейчас развезжать в порше на денежки под-

защитных мерзавцев, а не мотаться по следам их преступлений на своем доисторическом драндулете! – философствовал Тигран, переходя к куску барашка и вытаскивая зубочистки из опоясывающих его ломтиков помидоров и баклажанов, – хорошие деньги бы делал, брат.

– Слушай, ну как тебя испортил твой патрон, а? Все деньги, деньги, деньги. Ну сколько можно? – возмутилась Верка. – Как там он, все еще берет с больных за то, чтоб не оперировать их?

– Отстала ты от жизни, Верочка, как вертушка от мобильника, – благодушно ответил Тигран, – в последние годы шеф брал за то, чтобы подтягивать морщины бабулек и завязывать бантиком на затылке. И я вместе с ним, между прочим. А надоумил нас заняться этим прибыльным делом присутствующий здесь герой, между прочим. Это когда осколочный снаряд под Шаумяном вспорол ему грудную клетку до самого носа.

Рука Шварца невольно дернулась к горлу и нащупала кривую линию.

– Да фиг бы с ними, шрамами на горле и щеке, что только красят мужчину, продолжал токовать Тоникян. – Но верхняя губа? Знаменитый Шварценнос мог перекоситься! Ты представляешь? Как бы я Марго в глаза смотрел после этого? Да и на него самого? Ужас...

Верка вспомнила носилки на летном поле, Шварца, перебинтованного так, что и не узнать если бы не взгляд его се-

ро-зеленых глаз, опухшее от слез лицо Маргаритки и сурового и властного военврача Тоникяна – вот уж кого было не узнать!

– ...Вот отец и упросил знакомых виртуозов этого дела приехать, помочь, – продолжал трепаться Тоникян. – А я пока ассистировал им, и сам вошел во вкус. Ты вот шефа моего не жалуешь, а у него помимо коммерческой жилки море человеческих качеств, между прочим. Куда только ни послал меня на повышение этой квалификации! А в прошлом месяце он перебрался на заслуженный отдых к детям в Америку. Так что клиником теперь заведую я. И ни я, ни он, ни они не жалуемся, между прочим.

– Да ты что, Тиграша? – обрадовалась Верка, – Ты теперь главврач? Ну поздравляю, ну молодец! И вот так, втихомолочку, без спецмероприятий?

– Штол, конесно, са мной, – прошепелявил Тоникян с набитым ртом, – но я хочу отметить назначение специфически. Я вот думаю, может, и тёще своей сделать такую пластическую операцию: и она обрадуется, и мне не так противно будет смотреть.

Шварц и Верка дружно загоготали.

– И чем эта бедная женщина на этот раз не угодила? – спросил Шварц.

– По большому счету, она мне не угодила тем, что лет через двадцать-тридцать моя жена может превратиться в такое же недоразумение с рентгеновским взглядом и убийственны-

ми представлениями о моде. А по ещё большему счету – тем, что она старая. А старух любят только альфонсы и некрома-ны...

– Дурак ты все ещё, Тиграша, как я погляжу. Старых женщин не бывает: бывают женщины до самого последнего вздо-ха, как бабушка Шварца. Или бесполые тyani-толкаи, у ко-торых ножки вперед топают, а слезливая башка на задницу повернута, – обрезала его Верка.

– Вот из-за таких пагубных теорий, Верочка, армянское общество может разрушиться, между прочим, – застыл То-никян с вилкой в руках. – Женщина имеет право быть жен-щиной только в вегетативном возрасте. Дальше – это уже ни-как не женщина, а бабушка, или, на худой конец, – подчи-нённая мужской верховной власти рядовая гражданка стра-ны. С избирательным цензом, но безо всякого феминизма и другого гендерного выпендрежа. А эти западные блюдолизы в парламенте обезьянничают, принимают европейские зако-ны, размывают устои. Будто если мы сегодня создадим экс-клюдивные права и возможности для баб и педиков, то зав-тра проснёмся в Швейцарии. Нет, законы нужно принимать, как в древнем Вавилоне!

– Это какие-такие? – весело спросил расслабившийся от Тиграниного трепа Шварц, не переставая деловито разби-раться с закусками. И ответ последовал:

– Хоронить жён вместе с мужьями! Ты представляешь, как снизилось бы количество тёщ на единицу невинных зя-

тьевых душ?

– И кто бы тогда вытирал сопли твоим девчонкам? – поинтересовалась Верка.

– А их и не надо вытирать. Я заметил, чем сопливее детство, тем выше коэффициент грядущих успехов. В них, в пролитых в детстве соплях, и кроется потенциал движения к успеху! Будь я художником, как ты, я бы нарисовал собирательный портрет наших олигархов в детстве: сопли до подбородка и майка, схваченная на интересном месте булавкой! Весь гардероб – майка-булавка, макияж – сопли, а пейзаж за спиной – изгаженная коровами проселочная дорога! Дарю идею! А если научишь, и сам нарисую – ты ведь у нас спец.

– Нет, Тоникян, не станешь ты человеком, – на этот раз Шварц вступился за Верку, – ну разве может такая красавица быть спецем? Не спец она, а специя, а из тебя художник, как из неё финансист.

– Пусть трепется, – засмеялась Верка, – всё-таки он действительно художник-реставратор, раз живой антиквариат восстанавливает. К сожалению, тут один уже дорисовался, – вздохнула вдруг она. – Давайте покажу.

И повела их в угол своей подвальной мастерской, где аккуратно были составлены лицом к стене готовые к выставке картины Арамиса.

– Я ведь хотела устроить выставку его работ, договорилась насчет зала – того самого, откуда его хоронили. Вы представляете, на какие гримасы способна судьба, а? Может, устро-

ить посмертную? – и на глаза железобетонной Верки навернулись-таки слезы. – Жалко ведь дурака, талантливый был парень...

Притихли и Шварц с Тиграном, и Шварц сказал:

– А что, хорошая мысль. Это все его работы или есть ещё?

– Да в том-то и дело, что он их раздаривал направо-налево. Но мы вместе с ним составили список, у кого – какая. Могу за неделю собрать.

– Верон, а можешь собрать за два-три дня? Поездите по адресам с Тиграном на его сверкающем рено, всё-таки Арамис – твой родственник, Тигран, а? Пусть твои бабульки в натуральном виде походят еще пару недель, что случится? – повернулся Шварц к Тоникяну, и тот понял, что уже не отвертеться:

– А и правда – чего им на Новый год с распухшими послеоперационными мордами сидеть и бояться жевать? Пусть отъедаются, а в новом году будут у них и новые личики, и новые цены – курс доллара все-таки меняется. Когда начинаем, Верончик?

– Да хоть сегодня, вот список.

Просмотрев листок со стремительным почерком Верки, Шварц подытожил:

– Вот эти две я сам привезу, а с остальными созванивайтесь сами.

Потом Шварц снова прошелся мимо картин. Он ни бельмеса не смыслил в искусстве, но подкоркой чувствовал

агрессию. И спросил:

– Слушай, с чего это у него пошли такие страшные фантазии? Это его опять повело или были какие-то угрозы? И эта беспредельная тоска в глазах... И пар, как в бане... Это определенный объект или, как у Тиграна, собирательный портрет? Чёртов Арамис, с ним не удавалось соскучиться ни при жизни, ни после... Версий – с десяток, а дней не осталось совсем...

– Ну я тебе говорю: надо было стать адвокатом. Сидел бы сейчас, детективы почитывал, пока сыщики найдут убийцу. А потом бы взял его готовенького и стал защищать, чтоб не пожизненно без права помилования, а на пятнадцать лет. И он бы тебе руки целовал и платил хорошие гонорары. Нет, надо было тебе стать не вечно спешащим подозрительным сыщиком, а вальяжным холёным адвокатом! Ты бы их, незаконопослушных богатеев, защищал, я – подтягивал их женам веки и ляжки, стараясь не перепутать, а Верон оперативно делала бы с них портреты, пока снова не обвисли и не разжирели. Вот была бы командная игра, как в молодости! И можно было бы компанию зарегистрировать: «ШВАРТИ-ГВЕР» – звучит?

– Как, ты говоришь, назывался цикл картин?

– спросил вдруг Шварц, и оторопелая Верка ответила:

– «ГРААЛЬ»...

О роли телевидения в ментовских расследованиях

14 декабря 2004 г., вечер

Дядя Вова в кои-то веки коротал вечер дома за партией шахмат. Уж лучше бы остался на работе. Не особенно блиставший в армянском спорте сосед успел дважды обыграть его, как мальчишку, и полковник понемногу закипал. Тут еще за спиной бубнил им же включенный, в ожидании вечерних новостей телевизор, и это отвлекало. Но и помогло: как только зазвучали позывные новостного блока, Дядя Вова театрально опрокинул своего короля, давая понять партнеру, что дело тут не в провальной диспозиции, а в желании ознакомиться с актуальным общественно-политическим процессом. И обернулся к экрану. Однако свобода слова на вверенном ему участке поднялась до такого неопишуемого максимума, что сюжет окончательно изгадил вечерний настрой. Показывали то из утренних происшествий, что вроде бы и не подлежало обнародованию.

В самом центре Еревана, за высокой оградой из кровельного алюминия, сновали рабочие. Здесь в темпе ударной стройки возводился четырехэтажный бетонный куб Центра историко-культурных исследований. Несмотря на высокое гуманитарное назначение, строительство Центра сопровождалось бесконечными склоками, слухами и жалобами

окрестных жителей. Вот и сейчас в вечерних новостях был прокручен репортаж с места событий, который вела молодая журналистка. Камера выхватывала интересные мизансценки из гроздьев принарядившихся пикетчиц на фоне спин и затылков ребят из Центрального РОВД.

Полковник с отвращением вглядывался в картинку, и сложно было понять, отвращения к чему именно тут было больше: к пикетчицам, строителям, их хозяевам или к самому себе.

– Если это действительно культурологический центр, то как он мог быть так некультурно спроектирован и построен в трёх метрах от фасадов наших красивых домов на месте фруктового сада, который посадили ещё наши деды на принадлежавшей нашим семьям территории? – выкрикивала непривычная к микрофону дама в выдавшей лучшие дни каракулевой шубе. – Какой же это культурный центр, если он заслонил не только вид из наших окон, но и доступ солнца и воздуха? А мы вот слышали, что никакой это не культурный центр, а...

Дальше звук пропал и камера метнулась к другой пикетчице, а по пути задержалась на самодельном транспаранте «Весь этот беспредел творится под покровительством властей центра!!!»

– Тьфу ты, мать-перемать (что, как нам уже известно, по-армянски звучит как «мать твоего хозяина», то есть адресуется вверх по иерархической лестнице адресата и тем более

считается ужасным оскорблением), – бухнул кулаком по столу сдержанный обычно Дядя Вова. И здесь опять было трудно понять, кому же в большей степени адресуется его неслужебный оборот. Возможно, сопернику по шахматам. Во всяком случае тот живо поднялся с дивана, скорчил сочувствующую физиономию, молча пожал руку и ретировался.

– Это все проклятый спутник! – убежденно крикнула очередная пикетчица в микрофон, – И этому местных властей иностранцы научили! Специально, чтоб изуродовать наш город! Заказали подробный снимок Еревана из космоса, потом сели, отметили на нем самые хорошие незастроенные места, вырубали сады и в нарушение всех законов стали теснить местных жителей. И судьи им подыгрывают, потому что и те, и другие...

И здесь опять произошел срыв звука, а на экране появилась и закричала в микрофон другая активистка:

– Мы знаем, что против команды, которая затеяла это строительство, невозможно ставить законные преграды. Если уж суды не могут встать на защиту интересов своих граждан, то нам остаётся уповать на Бога: Бог им судья. И он уже начал карать: вон, мы слышали, у жены начальника строительства диагностировали мастопатию, а у архитектора – простатит...

– Значит, – серьезно спросила журналистка, – впредь вы отказываетесь от борьбы, ожидая Божьего суда?

– Ничего подобного! – с вызовом выкрикнула пикетчица,

и субтитры высветили ее имя-фамилию. – Я лично решила в день открытия Центра в знак протеста подняться на крышу своего дома и броситься оттуда...

– Тьфу ты, мать твою-перемать, – уронил очки Дядя Вова, – ну что ты скажешь? – Но вопрос повис в воздухе, так как сосед уже безопасно смотрел то же самое в своей квартире, а жена Дяди Вовы семенила между кухней и столовой, накрывая стол к ужину.

– Армен? Это я, Карапетян, – заскрипел он в мобильник, хотя мог бы и не представляться: такого пропитого голоса, как у образцового трезвенника Дяди Вовы, не было больше ни у кого. – Как дела? Угу. Слушай, Шварц, – продолжил он, – тут показывали по телевизору в вечерних новостях этих боевых женщин у Центра культурологических исследований. Смотрел? Ну да, ты занят делом, а я бездельник. Да нет, я не о том. Слушай, мне имя одной показалось знакомым – уж очень длинное: Шагандухт Мелик-Шахназарян или вроде того. Она у нас по делу Лусиняна не проходила? Просто поклонница таланта и меценатка? Ты с ней говорил? Только по телефону? Так допроси чёртову куклу по форме: она вон в знак протеста бросаться с крыши надумала – этого еще нам не хватало! Как вообще – вырисовывается? Со свидетелем сейчас беседуешь? Небось свидетельница? Ха-а-а-ха-ха-а. Нет, спасибо, этих отчаянных старушек я и сам боюсь. Ну да, ну да. Ладно, до связи.

Беседа с любимчиком – надежным, как броня, Шварцем,

выправила настроение, и Дядя Вова устремился в направлении вкусных ароматов соседней комнаты.

Пирожки для полковника

15 декабря 2004 г., полдень

Бабульки были – чистый клад. Лучших информаторов Шварц за всю свою карьеру не сыскал бы. Без телекамеры они не кричали, разговаривали тихо, с достоинством. Все трое были смешливы и кокетливы, как девочки-подростки, но гостеприимны и словоохотливы – как заправские бабушки. А главное – будучи жительницами Еревана в Бог его знает каком колене, знали всех, всё про всех и даже больше. Две родились и состарились в обширном двухэтажном красавце-доме, построенном государством для их высокородных дедушек ещё на заре Советской власти, а Шаганэ пришла в этот дом юной снохой высокопоставленного советского чиновника, и это был практически отчий дом и для нее. В разное время они выдали замуж дочерей, женили и проводили разъехавшихся сыновей, похоронили родителей, свекров и свекровей, стали вдовами. Последней лет десять назад овдовела Шаганэ, чей муж был заслуженным летчиком уже не существующей страны. Бабульки казались лёгкой добычей для затеявших строительство вандалов, но их моментальная устранимость с пути оказалась обманчивой.

– Вот я и говорю, – излагала Шаганэ, пристроив на коленях в светлых брючках свою не в пример хозяйке молчаливую болонку, – Культурологический центр – это чистая

фикция. Раз уж они своей бетонной коробкой загородили наш фасад в трех метрах от моего балкона, я их внутреннюю планировку лучше них самих знаю. Что это за культурный центр, если сплошные водопроводные и канализационные трубы по всему первому этажу? Это же типичная баня!

– Не баня, а сауна, – поджала губы Бабулька Номер Два. – А наверху – номера с санузлами. У этого прощелыги Алтуняна такой опыт уже есть.

– Какой-токой Алтунян? – попытался поучаствовать в разговоре Шварц.

– Мы пока с ними судились во всех инстанциях, все подробности узнали, – стала рассказывать Шаганэ. – Заказчик строительства – ООО «Тур Дистрибьютерс». Его владельцы – Левон Алтынов и Григорий Алтунян, родные братья. Старший, Лёва, занимается международным туризмом, а младший, Гриша, работает в прокуратуре. При этом он владеет сетью магазинов стройматериалов и опекает делишки брата. И есть у этой парочки еще целая сеть притонов по окраинам Еревана, закамуфлированных под бани, «ГРААЛЬ», слышали?

– Ничего себе, информированы бабульки – будь здоров, – подумал Шварц и спросил: – Это всё вы на суде узнали, тыкин Шагандухт?

Уважительное «тыкин» настраивало на позитивное общение и вместе с тем очерчивало официальные рамки беседы. Бабульки переглянулись и рассмеялись, а Шаганэ объяс-

нила:

– Конечно, вас это, молодой человек, удивляет, но мы ведь уже два года боремся с их вторжением, и за это время получили практическое юридическое образование не хуже высшего государственного. И потом, – она погладила проснувшуюся от смеха болонку, – у нас сочувствующих много. Знаете ведь, как бывает. Стоял в центре Еревана красивый двухэтажный дом из розового туфа, в классическом стиле, с колоннами, пилястрами, с круглыми балконами, ухоженным фруктовым садом и сиренью за чугунной оградой. И он был родным не только для нас, но и для каждого жителя окрестностей и даже просто прохожих. Да вы берите гату, берите, сейчас еще принесу: я много испекла, – отвлеклась она, заметив, что Шварц поглядывает на последний кусочек.

– Спасибо, – обрадовался Шварц, – гата у вас вкусная, как у моей покойной бабушки была...

– Царствие ей небесное, хорошего внука вырастила, – откликнулась Шаганэ и рассмеялась:

– Нет, это не подхалимаж, я просто всегда радуюсь хорошей молодежи.

– Да какая я молодежь? – теперь уже рассмеялся Шварц.

– Для того чтобы чувствовать себя молодым, надо чаще общаться со стариками. Этого вам бабушка не говорила? – подняла пушистые брови Шаганэ.

– Вряд ли, – задумался Шварц, – когда ее не стало, я еще первокурсником был.

– Слава Богу, что она не дожила до этих безобразных вре-
мен, – встряла Вторая.

Шварц удивленно посмотрел на нее:

– Нет, я с вами не согласен. Совсем не согласен. Бабу-
ля была бы рада, узнай она, что я родил сыновей, назвал их
именами её погибших детей. Что я добровольцем пошел на
войну, отстоял нашу землю. Ни разу не струсил, но вернул-
ся живым. И она, конечно, была бы счастлива, что Армения
вновь, через сотни лет, стала независимой.

– Да кому она нужна – эта независимость? – удивилась
Вторая. Раньше бы написали в Москву – и в два счета ре-
шился бы вопрос. А сейчас пишем, пишем, ходим по инстан-
циям.

– Вы меня извините, – холодно ответил ей Шварц, – но
при Советской власти вы принадлежали к привилегирован-
ному классу и просто не знаете тогдашних реальных про-
блем. Дедушки у вас были красными профессорами и нар-
комами, и вы жили в тепличных условиях. А сколько рабо-
тяг тогда писало, жаловалось – и не доискивалось справед-
ливости! Стремление к справедливости – это главная харак-
теристика и общества, и каждого из нас. Так что в данном
конкретном случае вы правильно делаете, что боретесь, и мы
чем сможем обязательно поможем.

– Ну какой же вы молодец! – встрепенулась Шаганэ, мыс-
ленно примеривавшая на себя мнение собственных внуков
о своей персоне, – я согласна с вами на все сто! Потому и

осталась на родине. Ведь почему люди предпочитают жить на родине даже в самые тяжелые дни? Не только из солидарности, а еще и благодаря корню, который нас удерживает не просто на родине, но и на конкретном участке ее. Ведь мой дом, моя улица, мой район – это моя микрородина. И она снабдила меня навигатором, автопилотом.

Шаганэ переложила Шварцу в тарелку кусочек гаты, перевела дух и продолжила:

– Дома мы не задумываемся, где повернуть налево, где – направо: ноги нас сами ведут, и это часть душевного комфорта, который может создавать только родина. А автопилот ориентируется на маячки в виде зданий, деревьев, оград, питьевых фонтанчиков, которые стояли здесь десятки лет и должны были бы продолжать стоять. И каждое нарушение архитектурной среды – это сильный стресс не только для жителей конкретно угробленного здания, но и для всех горожан: пропадает тот самый маячок, ориентир. И должны пройти годы, чтобы сформировался новый...

– Подожди, Шаганэ, дай и нам сказать, – вступила ревниво наблюдавшая за наладившимся контактом Третья, дочка умершего давным-давно академика-лингвиста. – Это как родной язык, понимаете? Вы однажды просыпаетесь, выходите на улицу, а вокруг все говорят на чужих языках. Представляете? Может быть, ничего плохого они и не говорят, но вам становится страшно, потому что неожиданно и помимо своей воли вы попали в чужую языковую среду и переста-

ете понимать, что творится вокруг вас. Понимаете? В Библии описано Вавилонское столпотворение как следствие того, что Бог проклял жителей Вавилона, и они перестали понимать друг друга, заговорили на разных языках. Он их проклял плохими правителями, молодой человек! Потому что только плохие правители могли затеять шум и гам архитектурной разноголосицы и тем самым устроить в обществе разлад...

– Вот почему люди из соседних домов, да и вообще жители центра и те, кто работает по соседству, нам сочувствуют, подходят, звонят, делятся информацией, – подытожила Шаганэ.

– Да-а-а, – рассмеялся Шварц, – мне бы такой актив иметь! А можем мы с вами отдельно поговорить о покойном Лусиняне, тыкин Шагандухт?

– Конечно, можем. Бедный мальчик, царствие ему небесное, – опечалилась Шаганэ. – Девочки (обратившись к восьмидесятилетним соседкам), мы посидим в кабинете, а вы молодому полковнику кофе поставьте!

– Я майор, тыкин Шагандухт, – развел руками Шварц.

– Я в звездочках разбираюсь, молодой человек, я же вдова командира. Это сегодня вы майор, а завтра наверняка полковником станете: это у вас на лбу написано. Я людей сразу вижу со всем их прошлым и будущим, все-таки огромную жизнь прожила. Ведь и бабушка ваша обладала этим даром?

– Да уж точно, – улыбнулся Шварц.

Как плохо не блюсти законы Шариата!

16 декабря 2004 г., утро

Дядя Вова был не в настроении. С утра была лавина известий об омерзительных происшествиях по их линии и именно в их районе, в центре столицы. В гостинице «Плаза» по пьянке во сне задохнулся иностранец, в здании по соседству с кинотеатром «Наири» двое неизвестных совершили разбойное нападение на квартиру и убили старенького профессора, а всего в десяти кварталах оттуда здорово избили путану. Еще с утра успел позвонить и изгадить настроение этот торопыга Гриша из республиканской прокуратуры со своими идиотскими версиями по поводу еще не раскрытого убийства Арама Лусиняна и угрозами посодействовать передаче дела в главное управление. На всё это уже не хватало людей, времени и здоровья и оставалось надеяться только на везение и талант своих ребят.

Когда поступило сообщение об убийстве профессора, Дядя Вова еще только минут пятнадцать, как приступил к организации осмотра гостиничного номера иностранца. Но первым приехать на место убийства – это незыблемый закон для начальников райотделов полиции, сохранившийся еще с советских времен. Так что пришлось Дяде Вова оставить Шварцу сто лет не нужные тому распоряжения и мчаться,

невинно сквернословя, в профессорскую квартиру. А Шварц с молоденьким опером Варданом остались, продолжая вникать в обстоятельства смерти иностранца.

Приглашенные понятыми уборщицы этажа боязливо жались к стенке и громкими вздохами выражали сочувствие прибывшему представителю консульства Ирана. Благообразный представитель был одет в черное пальто, лицо скрывала обычная для республиканского Ирана щетина, которая в Армении воспринималась, как мужской траур. Так что дипломат гармонично вписывался в скорбную мизансцену бедня над усопшим.

Дородная дежурная по этажу взволнованно пересказывала, а Вардан протоколировал, что в обычное время, в 08:00, она вошла в номер, который выходил в гостиничный холл, прямо напротив её стола, чтобы разбудить иранца. И нашла его мертвым в постели – должно быть, задохнулся во сне. Тот был коммерсантом, подолгу жившим в этой гостинице и приезжавшим в свой номер, как домой. По его просьбе дежурная каждое утро будила его, так как бедняга имел обыкновение здорово пить вдали от своих шариатских запретов, вследствие чего терял связь времен.

– Вай, мама джан, какое несчастье, – сокрушалась украшенная, как ёлка в ювелирном магазине, дежурная и комкала в наманикюренных пальцах клетчатый платочек. Шварц угрюмо покусывал сигарету под левым резцом и предвидел сложности писанины в связи со смертью иранскоподданно-

го. Отпустив понятых и выдворив из номера и дежурную, он предупредил её, чтобы не уходила. Потом вежливо распрощался с сотрудником консульства, походил вокруг кровати в жарко натопленном номере, ещё раз поворошил тумбочку, чемодан и коридорный шкаф и выслушал зафиксированные коллегой факты. Затем повторно осмотрел начинающий покрываться пятнами труп.

– Лупу! – громко скомандовал он, и Вардан обалдело уставился на него. – Пинцет! Вардан участливо спросил:

– А ланцет, товарищ майор?

– Нет, ланцет пока не нужен, – объявил после долгой паузы Шварц и рывком открыл дверь. Впритык за дверью стояла дежурная.

– Я подумала, может, вы кофе хотите? – спросила она, громынув серьгами, и Шварц искренне согласился.

Сидя за сервированным дежурной кофейным столиком в номере нарушителя шариатских законов, Шварц выслушал очередную обойму анекдотов Вардана. Тот обладал уникальной и весьма востребованной в райотделе способностью рассказывать анекдоты по каждому случаю. А после недавней схватки с грузинскими гастролерами-грабителями пункта обмена валюты и проникающего ранения в селезенку, годился пока только на это и на протоколы.

– Приходит сынок апаранца домой, а у него в ухе серьга. «Ты что, сукин сын, – удивляется апаранец, – разве не знаешь, что серьги в ухе носят только пираты и педики? Вот я

сейчас открою входную дверь и башку-то тебе непременно отверну, если за ней не окажется корабля с черным флагом!»

Шварц улыбнулся, а дежурная в коридоре приснула.

Апаран был высокогорным районом Армении, заселенным выходцами из западноармянского Муша. Непрístupный для турок до самого 1914 года, когда был объявлен османский закон об изъятии личного оружия у армян и их поголовной демобилизации на строительство Багдадской железной дороги (где они и были массово перебиты), Муш оставался мерилom национальной стойкости. Выжившие после пешей депортации из Муша женщины, старичье и малыши осели на востоке армянской земли, где горный ландшафт походил на Муш в том числе высотой в две тысячи метров над уровнем моря.

Все апаранцы, включая местных, несказанно гордились своим происхождением из воинственного и свободолюбивого Муша. При этом за долгую историю бесконечных войн с захватчиками успели охарактеризовать себя как особо упертая часть армянского народа. В анекдотах эта специфика трактовалась как органическое тупоумие и веселила обитателей остальных регионов, подспудно укрепляя их в собственных интеллектуальных преимуществах. Полиция страны любила эти анекдоты от всей души, так как генеральный прокурор был выходцем из этих мест и руководствовался в кадровой политике именно земляческими пристрастиями.

Вардан вышел из номера, и Шварц кивнул дежурной:

– Войди!

Дежурная принялась убирать со стола, но Шварц захлопнул дверь, подошел к ней, притянул к себе прядь ее волос, поразглядывал. Прижатая к Шварцу дежурная тяжело задыхалась, выдержала его тяжелый взгляд и вздернула понимающе ниточку брови. Шварц скомандовал:

– Раздевайся!

– Ну если не для такого парня раздеваться, так для кого ещё? – лениво улыбнулась бюстительница нравов этажа и принялась расстегивать блузку. Шварц выпустил локон дежурной и отступил на полшага. Из-под развятой блузки обнажился мощный бюст в силиконовом бюстгальтере, и на Шварца пахнуло духами «Трезор», закапанными в ложбинку между грудями. Запах женщины – его Шварц знал не хуже слепого Аль-Пачино, и эти знания были почти должностной обязанностью. Шварц вновь подошел к дежурной вплотную, сдернул с плеч блузку и сквозь зубы спросил:

– Зачем ты его убила?

– Я? Что это вы говорите? Как вам не стыдно?

– выпучила глаза дежурная, пытаясь подхватить блузку и натащить на себя, – как же вам не стыдно?

– Ну-ка покажи пальчики! – шепотом скомандовал Шварц, и дежурная, как загипнотизированная, протянула ему ладони.

– Вот видишь этот обломанный ноготок, – Шварц тронул безымянный палец ее правой руки, – так его кусочек я выта-

щил пинцетом из складки шеи иранца. А вот твой волос: он прилип к его ладони. Так зачем ты его убила?

– Он у меня денег требовал, – прошептала дежурная.

Ждали ребят из райотдела и прокуратуры для завершения формальностей, а также отправки трупа и чуть более живой, чем иранец, дежурной по соответствующим их профилям адресам. И лишившийся дара рассказывать анекдоты Вардан рисовал картинку:

– Ладно, товарищ майор, из допроса теперь уже и я понял, что эта корова была сутенершей и поставляла девчонок в номера. А иногда и сама халтурила. Что иранец врубился, записал все переговоры на спрятанный в номере диктофон и шантажировал ее. Что она навалилась на него, пьяного и сонного, в постели и после короткой борьбы придушила подушкой. А потом вылила ему в глотку дополнительную порцию водки. Но как вы-то с самого начала догадались?

– Уж очень напряженно она прислушивалась к нашим разговорам, – улыбнулся Шварц, шаря по карманам. – Надо же, сигареты кончились! Эх, лучше бы этот бедняга курил, чем пил: нарушать законы веры – так нарушать! Был бы живее – и мне бы сигаретка перепала: бар-то закрыт!

– Был бы живее – нас бы здесь не было, товарищ майор, – пожал плечами Вардан. – Сейчас попрошу у заступившей дежурной. – И молниеносно исчез и вернулся с початой пачкой «Парламента».

– Пах!¹⁵ – среагировал привыкший к дешевым местным сигаретам Шварц, счастливо загнал сигарету в левый угол рта и, не закуривая, продолжил объяснение:

– Посмотри на оба электрокамина: видишь, установлены на максимальный режим, но отключены от сети? То есть она натопила, а перед нашим приходом вырубилa. Любая женщина ее возраста успевает навидаться приготовлений к похоронам и прекрасно знает, что в теплом помещении мертвецы идут трупными пятнами. Вот она и хотела спровоцировать их, устроив форменную баню. Но ведь следы от удушения отличаются от трупных пятен, как петухи от куриц.

Шварц сидел в низеньком кресле номера, растопырив колени длинных ног и опираясь на них сведенными руками. Орлиный нос как флюгер точно указывал на постель, где под полотняной простыней угадывался труп коммерсанта.

– А еще и постель! – продолжил Шварц, – ты видел когда-нибудь такую аккуратную кроватку проснувшегося утром человека? А тем более – не проснувшегося? Мы же елозим во сне, переворачиваемся, пускаем слюни, мнем простыню и подушку. А тем более – этот бедолага-шантажист, ведь он вроде бы задыхался во сне и ему не хватало воздуха! А какая подушка у бедного иранца? С аккуратно торчащими углами, ровенькая, как в постельных сценках этих дурацких сериалов. И то же – с гладенькой-прегладенькой простыней. Да-а-а, будет сейчас головной боли и писанины...

¹⁵ Пах – интонационное междометие (арм.), соответствует русскому «Ого!»

– А ноготь? – не отставал Вардан, – где ноготь дежурной?

– А я откуда знаю? – улыбнулся Шварц, – но что он обломан, я заметил, когда она подавала кофе.

– Да-а-а, – крикнул Вардан, и к нему вернулось чувство юмора. Вы анекдот про логическую цепь знаете?

– Нет, – довольно улыбнулся Шварц, – давай, рассказывай.

– Ага, – обрадовался Вардан и принялся излагать, имитируя грузинский акцент:

За дружеским столом Гиви знакомится с университетским преподавателем логики.

– Вряд ли эту вашу древнюю науку можно конкретно применяют в сегодняшнем бизнесе, – скептически заявляет Гиви.

– А хочешь, я с помощью логических построений скажу, кто ты? – спрашивает преподаватель.

– Давай!

– У тебя аквариум есть?

– Есть.

– Ну, если у тебя есть аквариум, значит, и квартира есть?

– Есть.

– Раз у тебя есть квартира, значит, и жена есть?

– Клянусь мами, есть!

– Если у тебя есть и квартира, и жена – может, и дача есть?

– Ва, есть!

– Раз у тебя есть дача – должно быть, и машина есть.

– Есть.

– Ну, если у тебя есть и машина, и дача – скорее всего, у тебя есть и любовница?

– Как брату скажу: есть.

– А раз у тебя есть и жена, и любовница, значит, как мужчина ты – что надо. Видишь, как методом логических построений я это выяснил, – заключил преподаватель.

– Вай ме, – поразился пронизательности специалиста Гиви и обернулся к соседу слева:

– Слушай, Шалико, у тебя аквариум есть?

– Нет, – удивился сосед.

– Значит, ты импотент! – Вардан задержал дыхание в ожидании реакции Шварца. Но Шварц уже был уже далеко – он думал совсем о другом.

Запах армяка у деревенских армян

2003 г., лето

Солнце уже садилось, и пускаться на поиски забывчивого Старика по быстро меркнувшей дороге было страшно. И уставшая за день Софи уселась в раздумье. Но тут все задрожало, загрохотало, послышался свист и лай, и с горы прямо на Софи пошли рогатые чудовища. Они испускали страшный рев и готовы были походя втоптать ее в траву. Софи вжалась в дерн и стала ждать неминуемого конца. Но неожиданно вперед выбежал Очень Большой Пес, и оторопелая Софи легла на землю вверх животиком:

– Вот она – я, маленькая, безвредная, совсем еще ребенок, и мне очень страшно здесь одной вдаль от Старика и мансарды, – дала она понять, и внимательно обнюхавший ее Пёс убедился в достоверности информации. Это было первое в жизни Софи и вполне счастливое испытание на собачьем детекторе лжи, имевшее далеко идущие последствия.

Очень Большой Пес остался стоять над ней как вкопанный, и коровы передумали вредничать и переть прямо на щенка, а наоборот, опасливо обходили стороной. Подгонявшие стадо ещё две собаки подошли и точно так же обнюхали Софи, и она с готовностью согласилась на дополнительное испытание. Приблизился исполин, склонился над ней, заржал, и сверху спустилась его меньшая половина. Таких Со-

фи еще не видела. Половина пахла человеком и была немного похожа на старичков в парке и на ее Старика. Верхняя половина погладила мягкую белоснежную шерстку с черными пятнышками и подивилась:

– Вот это да! Это еще что за невиданный сорт? Да ты королевская собачка! И ошейник тоже королевский! Что это там написано? «Софи»? Ну да, настоящая принцесса! Тебя потеряли или выбросили? Не поймешь этих городских! Ну-ка, давай сюда, а то затопчут. – И бережно разместил Софи на груди между свитером и подпоясанным армяком, снова влез на свою ржущую половину.

Армяк пах ревучими и ржущими исполинами, большими собаками, дымом жарящегося мяса, мацуном, молоком, луком и хлебом, и все эти запахи были ей уже знакомы. А еще он пах счастьем большого домашнего очага, и с этим запахом она сталкивалась впервые.

О вреде утреннего мытья полов

16 декабря 2004 г., полдень

Когда Шварц подъехал к квартире профессора Барояна, бригада криминалистов уже заканчивала работу. Из спальни доносились истерические стенания женщины и строгие окрики врача неотложки. Ребята полушепотом объяснили Шварцу, что внучка профессора, единственная свидетельница нападения, от пережитых страхов периодически теряет сознание, а мать кликушествует над ней с таким энтузиазмом, что вконец достала уже и оперов, и врачей.

В другой спальне, прикрытый расцветшей красными маками простынёй, лежал убитый профессор. После десятка ножевых ранений и разбитого скалкой черепа видеца у него был еще тот, и Шварц аккуратно спустил на тело поднятую простыню. Вранье это всё, что к виду жмуриков привыкаешь. Еще как ухают в живот сладкие детские страхи, срываясь с поплавок профессионального опыта!

Комната была опрятная, ёлочка паркета отсвечивала лучи полуденного солнца, и впечатление санитарного порядка нарушалось только брызгами крови и кляксами высококачественных профессорских мозгов на влажных плинтусах пола.

Безошибочно найдя кухню по луковой шелухе, здесь и там оброненной по дороге из коридорного чулана до пункта на-

значения, Шварц закурил и уселся на стул довольно старого кухонного гарнитура.

– Польша периода еще до «Солидарности», – определил он для себя возраст мебели и огляделся. На залитом зимним солнцем подоконнике выстроилась батарея горшочков с чумазыми кактусами, которые хотелось отмыть и побрить. Грязная посуда замысловатой горой высилась в мойке. Рядом с источающей запах гнильцы кастрюлей на разделочном столе валялись не знавшие отбеливателя скомканые тряпки для стола. Навидавшийся по роду деятельности тысячи квартир, захваченных врасплох криминальными обстоятельствами, Шварц такой бардак видел впервые.

– Бардак, – вслух констатировал он, прицельно выстрелил окурком в пузырь, торчащий на поверхности кастрюли, и отправился в женскую спальню.

На кровати, заставленной гигантскими мохнатыми зайцами, мишками и жизнерадостным желтым осьминогом, в позе недодушенной Дездемоны лежала, разметав длинные локоны, стройная девочка лет пятнадцати и тихо стонала. Над ней похрюкивала сорванным в ходе стенаний голосом худосочная мать. Обесцвеченные волосы были схвачены пластмассовым зажимом со стекляшками, а строгий деловой костюм украшали увесистые пуговицы, сверкавшие блеском всех бутылок приемного пункта. В комнате пахло валерьяной, нашатырным спиртом и духами «Сикким».

– Ну что, Сирушик, садись и давай, рассказывай, как де-

ло-то было, – Шварц придал голосу выработанную специально для допрашиваемых низкочастотную хрипотцу, и девочка открыла глаза. Глазки оказались недетские.

– Неполная семья, безрадостное детство, – поставил очередной мысленный диагноз Шварц, уселся на пуфик спиной к двери и боком к пыльному трюмо и вслух добавил: – А вы, мадам, нас на пару минут оставьте, я сам вас позову. – И совсем громко обратился к публике соседней комнаты: – Шагинян, подойди.

Полистав бумаги из папки опера, пошептавшись с ним и тоже выставив за дверь, Шварц улыбнулся девочке:

– Страшно было?

– Ужа-а-асно... – протянула девочка, округлив глаза.

Дальше она принялась рассказывать в лицах, жестикулируя и делая страшные рожи. Дело было так: утром в 09:15, через час после ухода матери на работу, в квартиру ворвались двое неизвестных с пистолетами, в рот засунули кляп, крепко-накрепко связали ей руки и ноги, а саму впихнули в чугунную ванну санузла. После чего прошли в комнату деда, убили его, взломали скрытый за шкафом сейф, украли из тайника толстую пачку денег и покинули квартиру. После ухода налетчиков девочка вылезла из ванны, распутала руки и ноги и позвонила маме на работу.

– Ты их раньше не встречала? – спросил Шварц, и девочка категорически замотала головой:

– Никогда.

– А как они выглядели? – спросил Шварц.

– Ну, парни как парни. В черных кожаных куртках, среднего роста, черноглазые, темноволосые... Обычная внешность, – задумчиво ответила Сируш.

Это действительно была обычная внешность. По та кому описанию можно было схватить добрую половину мужского населения республики.

– У вас когда уроки в школе начинаются?

– В девять, но первый урок был русский, я его и так лучше всех знаю, вот и собиралась пойти на второй.

– А кто тебе помог выбраться из ванны?

– Да я сама, – девочка вскинула на него длинные ресницы, продолжая теревить зайкины уши.

– Слушай, ну ты молодец, я вон насколько выше тебя, а не сумел бы, – восхитился Шварц.

– Я гибкая, в Волгограде я в секцию легкой атлетики ходила, – заулыбалась Сирушик, гордая физкультурным достижением.

– В Волгограде? – удивился Шварц.

– Ну да, когда мне был всего годик, в Армении на три года отключили весь свет, газ, отопление, ну вы знаете. И папа забрал нас с мамой в Волгоград – там у него бизнес был. Потом его кинули, и он этот бизнес закрыл и вошел в долю со своим тамошним другом, кожевенной переработкой занялся.

– Ну молодец твой папа, целеустремленный, – похвалил Шварц неумолимого отца-бизнес мена.

– Молодец... Да какой он молодец? Этот тоже его кинет, вот увидите. Не молодец он, а форменный лох – тоже мне, молодец, профессорский сынок... Ну вот. Там я и в школу пошла. А в прошлом году мы с мамой приехали обратно, сюда. Вы бы видели, как девчонки плакали, когда мы уезжали! А мальчишки сложились и купили этого мишку. Вот видите мешочек на нем? Там еще конфеты были, «Мишка на Севере».

– Зачем же вы приехали и папу оставили? – продолжал удивляться Шварц.

– А пусть бы не жадничал на нас и меньше на блядей тратил, – зло отреагировала малолетка, словарный запас которой явно входил в противоречие с возрастом и статусом внучки профессора.

– Ну да, – послушно согласился Шварц, – а ты скажи мне, пожалуйста: скалку, которой ударили твоего дедушку, бандиты с собой принесли или это ваша скалка?

– Не знаю, – задумалась девочка, – наверное, с собой принесли.

– Шагинян, – повысил голос Шварц для обитателей соседней комнаты, – ты все отпечатки пальцев снял со скалки?

– Все, – просунул голову в дверь Валерий Шагинян.

– А лучами СМТ просветил?

– Какими?

– Ну теми специальными лучами для снятия всех стертых прежних отпечатков просветил?

– А как же, – обиделся Валера, – в первую очередь. Я без них вообще отпечатки не снимаю.

– Ладно, можешь идти, – снова повернулся Шварц к девочке, а та сказала:

– Точно не помню, но скорее всего, это наша скалка.

– Эх, ты, хозяйка. Ваша соседка, и та лучше тебя знает ваш кухонный инвентарь. Но она говорит, вы скалку глубоко прячете, не на виду – как же они ее нашли?

– Так ведь скоро Новый год! Я собиралась сегодня тесто замесить, заготовить, положить в морозилку, а тридцатого достать и испечь. Вот и достала.

– Ну да, – рассмеялся Шварц, – я за этой работой и про Новый год забыл, и про всё на свете. – А пол в комнате дедушки это ты с утра помыла?

– А кто еще? – хихикнула девочка, – не мама же.

Да, взаимоотношения покойного профессора со снохой, видимо, оставляли желать лучшего.

– А почему не подмела сперва в коридоре и на кухне? Ведь грязь из квартиры снова разнеслась бы по комнате. Жалко все-таки: ты мыла, старалась, да еще перед уроками, – продолжал допытываться Шварц.

И совсем напрасно продолжал. От длительного напряжения девочка снова потеряла сознание, и ей не помогали не только выплеснутые в лицо остатки воды из стакана, но даже ватка с нашатырем, дважды подносившаяся расстроенным Шварцем прямо к ее носу. Тогда он снова позвал Шагиняна,

и тот расторопно открыл дверь за его спиной.

– Тащите эту агарку в отделение! – сквозь зубы скомандовал Шварц возникшему за спиной оперу. И не успел скомандовать, как здорово получил по башке от навалившейся на него со спины и кликушествующей с новым задором снохи погибшего. Обознатушки!

Держа вырывающуюся девчонку за волосы одной рукой и отмахиваясь от мамыши другой, Шварц был малоэффективен в своей обороне. Тогда он вытащил своего любимого товарища Макарова и наставил на мать. С тем же успехом он мог бы попытаться запугать профессорскую пальму в гостиной: мамыша продолжала манкировать угрозой и целеустремленно пыталась выцарапать Шварцу глаза. Вот тогда-то нашему герою-криминалисту пришлось отказаться от табельного оружия и применить известное с дворового детства. Он локтем свободной руки вырубил мамышу и завершил оперативные мероприятия на месте события.

И здесь, при всех симпатиях к нашему герою, надо признать, что последнее возбраняется законом, но в отдельных случаях является для Шварца и его коллег единственным методом нейтрализации иррационального поведения родственников подозреваемых.

Но «завершил» – это громко сказано. Не дотрагиваясь до внучки во избежание возможных посинений и строго контролируя траекторию ее передвижений зажатыми в руках локонами, Шварц добрался до спальни деда. И обнаружил там

только одного сотрудника, дожидавшегося труповозки, – дубина Шагинян слишком буквально воспринял его команду «ладно, можешь идти». Что делать? А все то же: спуститься по лестницам, посадить внучку за руль своей выдавшей и не такой машины. И все еще держа за волосы, проталкивать рывками собственной правой ляжки на соседнее сиденье, не забыв усесться самому, включить зажигание и тронуть с места.

В отделении милиции после получаса бряканий в обморок и валяния девочкой дурака, Шварц участливо спросил у нее: – Зачем же ты убила бабушку?

И девочка искренне ответила:

– Это не я, это Сашик.

Строго лимитированный период задержания малолетки и возможности профессорских связей неистовой мамы требовали спринтерского темпа. В распоряжении Шварца оставалось только полтора часа для поиска второго подозреваемого, обнаружения вещдоков и связанной с этим бумажной волокиты. И понятно, что по закону подлости, который универсален для всех социальных групп, включая работников правопорядка, райотдел выглядел, как после взрыва нейтронной бомбы. Ни одного сотрудника за пустующими письменными столами! Дядя Вова был на совещании в городском управлении, а оперативники разъехались по заданиям. Мобильники не охваченных разрядками ребят были вне досягаемости. Такой уж выдался суматошный день и такая нехи-

лая связь регулярно портила нервы обладателям мобильных телефонов Армении с ее телефонным оператором-монополистом в тот исторический период!

Обман как главное оружие ментов

16 декабря 2004 г.

«Что делать?» – это вопрос не только рефлекслирующих интеллигентов прошлых веков. Такая задачка регулярно встает перед всеми народами мира вне зависимости от образовательного ценза. И особенно часто – перед ментами Армении с их скромным кадровым и финансовым ресурсом и необъятными амбициями в области искоренения настоящей преступности. Но Шварц уже знал, что ему надо делать, и позвонил в соседний корпус, где в почетном кресле прокурора Центрального района восседал его однокурсник и сосед по улице Гор Голкарян.

– Привет, Гор! Ты чем занят? – спросил Шварц.

– Да вот, домой на перерыв собираюсь, Армен джан. Жену побаловать присутствием обещал. Поедешь со мной? – радушно предложил Голкарян.

– Давай, – соврал Шварц. – Только сперва на моей машине в одно место заедем, ладно?

– Ладно. Так я спускаюсь?

– Ага, – обрадовался Шварц и взялся за локоны Сирушик.

Вот в таком странном составе – Шварц за рулем своего жигулёнка, и на заднем сиденье прокурор с крепко схваченными прядями малолет ки в руках – они и направились к дому гаденьша Сашика.

Когда подъехали к искомой хрущевке в окраинном Норкском массиве, Голкарян остался в машине сторожить склонную к обморокам девицу. А Шварц ринулся по ступенькам вверх. Позвонив дважды в дверь гаденьша, он услышал осторожное «кто там?» и наобум ответил: «Отец Армена», рассчитывая, что хоть один его тезка среди друзей мальчишки найдется. Так оно и было. Сашик через цепочку приоткрыл дверь, Шварц бухнул в нее ногой, цепочка соскочила вместе с монтажными шурупами, а дверь припечатала гаденьша, как кузнечный пресс, к стене коридора. Ворвавшись в комнату, Шварц увидел разложенные на журнальном столике и готовые к пересчету доллары и рашэн мани запасливого деда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.